

АМАЛИЯ ЛОНГ

ТЕНЬ
ПЕРВОЙ
ИМПЕРАТРИЦЫ

Амалия Лонг

Тень первой Императрицы

«Литнет»

2026

Лонг А.

Тень первой Императрицы / А. Лонг — «Литнет», 2026

Я — попаданка, Элиана. Та, которая прошла смертельный Отбор, сломала проклятие, обрела любовь всей жизни и стала императрицей. (осталось только дожить до коронации) Если хочешь понять, как я умудрилась выжить и завоевать его сердечко Читай здесь Думаешь, это хэппи-энд? Нет. Это начало конца. Потому что вернулась его бывшая – Лилиана. Первая жена. Красивая. Бессмертная. И пустая. Она улыбнулась чужой улыбкой и начала разрушать мою жизнь. Двор требовал моей казни. Дамиан метался между прошлым и настоящим. Меня изгнали в снега. Но один человек догадался. Он увидел в её глазах не злость, а отсутствие себя. Понял: это не Лилиана говорит. Это проклятие. Оно проснулось. Кто он? Тот, о ком молчали две книги. Их сын. Его зовут Дариан. Он отказался от трона и жил в изгнании, чтобы не видеть, как мать превращается в марионетку. Он знает выход: портал в наш с тобой мир. Туда, где нет магии. Там проклятие умрёт. А Лилиана... просто будет жить. Без власти. Без короны. Свободной. ? Как убедить её шагнуть в портал, если она не знает, что больна? ? Какую цену заплатит Дариан за спасение матери? Будет ли хэппи-энд? Конечно! Никто не умрёт. Но ты всё равно будешь рыдать. В ЭТОЙ КНИГЕ: Лилиана — жертва, а не злодейка Единственный, кто разгадал правду — и его появление # Изгнание, которое станет спасением Беременность, роды и семейный финал Сцена, которая рассмешит сквозь слёзы — Лилиана в бальном платье в супермаркете Москвы ☆☆ Хэппи-энд для каждого, после которого хочется жить РАСПИСАНИЕ Через день — 00:00 Подписка!

© Лонг А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Она вернулась	6
Визуал к главе 1.	10
Глава 2. Поцелуи прошлого	11
Визуал к главе 2.	19
Глава 3. Лицом к лицу	20
Глава 4. Первый удар	26
Глава 5. Народный гнев	31
Глава 6. Суд знати	35
Глава 7. Ночь любви	39
Глава 8. Прощание	42
Глава 9. Спаситель	47
Глава 10. Новая личность	50
Глава 11. Ворон и Снежка	56
Глава 12. Деревня Карима	60
Глава 13. Крепость Хельги	65
Глава 14. Ярга	67
Глава 15. Разоблачение	70
Глава 16. Мой герой	74
Визуал главы 16.	80
Глава 17. Азбукиведи	81
Глава 18. Хлопоты северян	85
Глава 19. Крепость на костях	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1. Она вернулась

Ночь. Моя спальня пахнет смертью.

Не той, что приходит с мечом или ядом, – другой. Тягучей, сладкой, с привкусом роз, которые цветут на могилах. Я лежу в постели и чувствую этот запах каждой клеткой, хотя окна закрыты, а двери заперты. Он просачивается сквозь камни, сквозь магию, сквозь время.

Дамиан ушёл час назад. Сказал – «в кабинет, срочные письма». Я не поверила. В последние дни он смотрит сквозь меня, как сквозь стекло. Его руки на моей талии холодные, губы – чужие. Он думает, что я не замечаю. Но жена всегда замечает, когда муж перестаёт быть с ней.

Я сижу на кровати, прижимая колени к груди. Луна за окном – жёлтая, низкая, как предчувствие. Где-то в саду ухает сова. И тишина. Такая густая, что можно резать ножом.

– Ты не спишь, – голос из темноты. Не мужа. Чужой. Женский. Низкий, грудной, обволакивающий.

Я не вздрагиваю. Не кричу. Я уже знала, что она придёт. Ждала.

Она сидит в кресле у камина, где минуту назад никого не было. Ноги скрещены, руки на подлокотниках – поза хозяйки, которая вернулась в свой дом. Лилиана.

Светлые волосы струятся по плечам, падая на белое платье – парадное, усыпанное камнями и вышивкой, и на ней оно смотрится как королевская мантия. Серебряные глаза мерцают в полумраке, как у волка, как у призрака. Она улыбается. Улыбка не касается глаз.

– Как ты вошла? – мой голос не дрожит. Я научилась не показывать страх там, где он может убить.

– Двери и замки для меня не преграда. – Она поправляет складку на рукаве, будто разглаживает воспоминания. – Я пришла посмотреть на ту, кто спит в моей постели, носит мою корону и считает себя императрицей.

– Я и есть императрица.

– Пока. – Она встаёт. Медленно, грациозно, как хищница, которая не торопится убивать. Идёт ко мне. Босая, но её шагов не слышно – она скользит, как тень. Останавливается в трёх шагах от кровати.

– Элиана из Астерии. – Моё имя на её губах звучит как приговор. – Двадцать два года, пришла из чужого мира, прошла Отбор, выжила чудом. Проклятие трона почти высосало тебя. Ты выдержишь на одной вере – что он тебя любит.

– Он любит.

– Он любил меня триста лет. – Она наклоняет голову, рассматривая меня, как забавную букашку под микроскопом. – Ты думаешь, три месяца затмевают три века? Ты – игрушка. Развлечение. Женщина, которая оказалась под рукой, когда ему было одиноко.

– Ты ушла сама. Ты бросила его.

– Я спасала его. – Впервые в её голосе появляется не лёд – сталь. – Проклятие трона убивало меня. А через меня – его. Я ушла в изгнание, чтобы он остался жив. А ты... ты просто пришла и взяла готовое.

– Готовое? – я встаю. Мы теперь одного роста, смотрим глаза в глаза. – Я прошла Отбор, где семь невест резали друг другу глотки. Меня травили, кололи, пытались сбросить с лестницы. Я убила в себе страх. Я заслужила этот трон.

– Ты заслужила? – она смеётся. Тихо, грудью. – Милая, трон не заслуживают. Трон берут. Или получают по праву крови. У тебя нет ни того, ни другого.

– У меня есть его любовь.

– Его любовь – это я.

Мы стоим, разделённые расстоянием в ладонь. Я чувствую её дыхание – холодное, с привкусом серы и гнилых роз. Моё – горячее, живое. Она старше. Сильнее. Опытнее. Но я не отступаю.

– Уходи, – говорю я. – Пока я не позвала стражу.

– Стража? – Лилиана поднимает бровь. – Думаешь, твоя стража удержит меня? Я проходила сквозь армии, когда твоей прабабки ещё не было на свете.

– Тогда зачем ты здесь? Зачем пришла ночью, как воровка?

Она замолкает. Её серебряные глаза впиваются в мои.

– Я пришла предупредить. – Её голос становится тише. Интимнее. Почти участливым.

– Уходи сама, Элиана. Пока я не вынудила тебя уйти. Брось всё – корону, дворец, мужа – и уходи. Я дам тебе денег, защиту, новое имя. Ты начнёшь жизнь заново. Далеко отсюда.

– Чтобы ты заняла моё место?

– Чтобы ты осталась жива.

Я смотрю на неё. В её глазах нет зла. Есть усталость. Триста лет одиночества превратили её в то, что она есть, – но под этой маской всё ещё бьётся женщина. Такая же, как я. Только сломленная.

– Я не уйду, – говорю. – Это моя жизнь. Мой трон. Мой муж.

– Твой муж сейчас не в кабинете, – она отступает к двери. – Он в моих покоях. Мы пили вино и вспоминали прошлое. Он плакал, когда рассказывал, как искал меня.

Кровь отливает от моего лица.

– Ты лжёшь.

– Проверь. – Она кивает. – Кабинет – налево, потом направо. Моя комната – в закрытом крыле. Выбери.

Лилиана открывает дверь и выходит в коридор. Её босые ступни громко ступают по каменному полу – живой звук, настоящий. Она не призрак. Она – женщина. Дверь за ней закрывается с глухим стуком.

Я остаюсь одна.

Долго стою, глядя на эту дверь. Сердце колотится. Внутри всё кричит: «Не ходи! Не дай ей победить!». Но ноги сами несут.

Иду в кабинет Дамиана. Коридоры пусты, факелы догорают, где-то далеко перекликается стража. Кабинет оказывается пуст. Бумаги разбросаны, кресло отодвинуто. Свечи ещё горят – он был здесь недавно. Я касаюсь сиденья – оно тёплое.

Значит, она не врала. Он ушёл.

Возвращаюсь в спальню. Сажусь на кровать. Руки трясутся. Беру со столика чашку с холодной водой – пью мелкими глотками. Вода не смывает ни страха, ни унижения.

Смотрю на луну. Она сдвинулась к западу. Прошёл уже час с тех пор, как Лилиана покинула мою комнату. За это время она успела вернуться в закрытое крыло. А Дамиан успел прийти к ней.

Я могла бы сейчас пойти туда. Увидеть всё своими глазами.

Но не иду.

Потому что если я увижу их вместе – как он смотрит на неё, как она касается его руки, – я сломаюсь. А ломаться нельзя.

Я ложусь на кровать. Не раздеваясь. В халате, в котором ходила к кабинету. Простыни холодные, подушка пахнет им – дымом и кожей. Я зарываюсь лицом в эту подушку и не плачу. Только дышу. Глубоко. Медленно. Считаю вдохи.

Раз. Два. Три.

Мысль за мыслью. Она была здесь. Она говорила со мной. Она хочет, чтобы я ушла.

Десять. Одиннадцать. Двенадцать.

Дамиан у неё. Сейчас. В эту самую секунду. Что они делают? Пьют вино? Говорят о прошлом? Обнимаются?

Двадцать. Двадцать один.

Я не должна думать об этом. Не должна.

Сон не приходит. Глаза слипаются только под утро, когда небо за окном начинает сереть. Последнее, что я помню, – как где-то далеко запела птица.

Я просыпаюсь от света.

Солнце бьёт прямо в лицо – я забыла задёрнуть шторы. Голова тяжёлая, во рту горечь. Несколько секунд я не понимаю, где нахожусь. Потом всё возвращается.

Ночь. Лилиана. Кабинет. Тишина.

Поворачиваю голову – и замираю.

На соседней подушке лежит роза. Алая, с длинным зелёным стеблем, усеянным острыми шипами. Лепестки ещё влажные – будто её только что срезали. И запах. Тот самый – тяжёлый, сладкий, кладбищенский.

Рядом с розой – сложенный лист пергамента, перевязанный чёрной шёлковой лентой.

Я сажусь. Беру записку. Пальцы дрожат – я не могу их унять. Разворачиваю.

Серебряные чернила мерцают на утреннем свете.

«Ты сегодня не вошла. Умная девочка. Подумай над моим предложением. В следующий раз будет поздно. Л.»

Сжимаю пергамент в кулаке. Бумага хрустит.

– Посмотрим, – шепчу я. – Посмотрим.

Бросаю розу на пол. Шипы царапают паркет. Я смотрю на неё, на эту идеальную, красивую, смертельную вещь, и понимаю: она была здесь. Пока я спала. Стояла надо мной. Могла убить – и не убила. Потому что ей нужна не моя смерть. Ей нужно моё унижение.

Встаю. Подхожу к окну. Внизу – сад, залитый утренним золотом. Розы цветут. Белые, розовые, алые. Мирные. Невинные.

Но я теперь ненавижу все розы.

– Селеста! – зову громко.

Через минуту вбегает моя подруга – растрёпанная, в халате, с заспанными глазами.

– Что случилось? – видит розу на полу, бледнеет.

– Убери это. И сожги.

– Эли, что... откуда...

– Она была здесь, – перебиваю. – Лилиана. Первая императрица. Моя соперница. Вернулась из мёртвых, чтобы забрать мужа и трон.

Селеста прижимает ладонь ко рту.

– Когда?

– Ночью. Сидела в кресле у камина. Говорила со мной. Угрожала.

– А Дамиан?

Я смотрю на подругу. В её глазах – страх. За меня.

– Дамиан был у неё. Пока она разговаривала со мной, он был в её спальне.

– Эли...

– Не надо, – обрываю. – Я не плачу. Не буду. Она хочет, чтобы я сломалась. Я не ломаюсь.

Подхожу к зеркалу. Смотрю на своё отражение – бледное, с синими тенями под глазами, но живое. И решительное.

– Помоги мне одеться. Сегодня я иду к Дамиану. И мы поговорим.

– О чём?

– О том, кто он – мой муж или её любовник.

За окном солнце поднимается выше. День начинается.

И я готова к войне.

Визуал к главе 1.

Глава 2. Поцелуи прошлого

Кабинет Дамиана находится в восточном крыле. Я знаю каждую трещинку на каменных плитах — за месяц я исходила этот коридор сотни раз. Но сегодня стены кажутся чужими. Они пахнут историей, в которой меня не было. Историей, где главную роль играла другая женщина.

Стража пропускает без вопросов. Один из гвардейцев кивает мне — почтительно, но с лёгкой неловкостью. Они знают. Весь дворец знает. Первая императрица вернулась, и теперь все ждут, кто из двух упадёт.

Дамиан сидит за столом, склонившись над картами. Перед ним — разложены донесения, погасшая свеча, чашка с остывшим чаем. Он не спал всю ночь. Под глазами круги, воротник расстёгнут, волосы взлохмачены — он проводил по ним рукой сотни раз, нервничая.

— Элиана? — он поднимает голову. В его глазах — удивление и вина. Такая густая, что можно резать ножом. — Ты рано. Я думал, ты отдыхаешь.

— Я не спала. Как и ты.

— Что случилось?

Я закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной — не потому, что хочу выглядеть драматично. Просто ноги не держат.

— Она была у меня прошлой ночью. Лилиана.

Дамиан бледнеет. Я вижу, как кровь отливает от его лица, делая кожу серой, почти прозрачной. Его пальцы сжимают подлокотник кресла так сильно, что костяшки белеют.

— Что? Как?..

— Сидела в кресле у камина. В белом платье. Светлые волосы распущены. Как на портрете. Сказала, что я — временная. Что ты любил её триста лет и не разлюбишь за три месяца. Предложила уйти по-хорошему. Пообещала деньги, защиту, новое имя.

— Элиана... — Он встаёт. Я вижу, как он хочет подойти ко мне, но не решается. Боится? Или чувствует себя слишком виноватым, чтобы приблизиться?

— Не перебивай.

Я говорю быстро, чтобы не дать голосу дрогнуть. Если сейчас заплачу — всё. Он увидит слабость. А слабость в этой игре — смерть.

— Я сказала, что не уйду. Она сказала, что ты был у неё. Этой ночью.

Дамиан обходит стол. Делает шаг ко мне. Останавливается в шаге — не касается.

— Элиана, я был у неё. Но не один. Там был Астор. Мы обсуждали, как починить магическую защиту дворца. Лорд Корин сбежал, и магия держится на честном слове. Она действительно знает древние схемы — такие, каких нет ни в одной книге.

— Ночью? В её спальне?

— Она сказала, что только ночью чувствует магические потоки. Говорит, что днём они зашумлены. Я не специалист, я не могу это проверить.

— И ты поверил?

— Астор подтвердил.

— Астор твой друг. Он подтвердит что угодно, лишь бы тебе было легче.

— Элиана, я клянусь всеми богами, которые только есть. Я не прикасался к ней. Не целовал. Не держал за руку. Я люблю тебя.

— Тогда почему ты не сказал мне? Почему скрыл, что вы встречаетесь?

— Потому что знал, что ты отреагируешь именно так.

— Именно так — это как?

— С ревностью. С гневом. С недоверием.

Я делаю шаг вперёд. Теперь мы почти касаемся друг друга. Я чувствую запах его дыхания — кофе и усталость.

— А ты заслужил доверие? Ты не был со мной ночью. Ты был у неё. Ты слушал её голос. А я сидела одна в спальне и ждала. Ты не пришёл.

— Элиана, прости.

— Простить — не значит забыть. А я не могу забыть, как стояла за дверью и слышала, как ты говоришь с ней. Не могу забыть, как она сидела в моём кресле и улыбалась. И как её улыбка не касалась глаз. Ты заметил это? Что её глаза пустые?

Он замирает. Смотрит на меня странно — будто я сказала что-то, что заставило его задуматься.

— Пустые? — переспрашивает.

— Совершенно. Как будто дома никого нет. Как будто кто-то другой двигает её руками, говорит её ртом, а настоящая Лилиана — спрятана глубоко внутри и не может выйти.

Дамиан отворачивается. Идёт к окну, смотрит на сад. Его плечи напряжены.

— Ты думаешь, я не вижу? — говорит тихо. — Я вижу. Каждый раз, когда на неё смотрю. Но я не знаю, что это — проклятие, болезнь или она просто изменилась за триста лет.

— Ты думал об этом?

— Думал. Но магистры говорят, что проклятие трона умерло, когда ты прошла Отбор. Оно не могло переселиться.

— А если они ошибаются?

Он поворачивается. В его глазах — усталость и надежда одновременно. Надежда на то, что всё можно исправить. Что Лилиана не виновата в том, что делает.

— Я прикажу Астору провести полное исследование. Сегодня же.

— И что это даст?

— Если она под проклятием — мы её спасём. Если нет — значит, она сама выбрала быть такой.

— И что ты сделаешь, если окажется, что она сама выбрала?

Он молчит долго. Так долго, что я начинаю считать удары своего сердца.

— Не знаю, — наконец говорит. — Она была моей женой. Я не могу её убить.

— А я? Ты можешь потерять меня?

— Нет. — Он подходит, берёт моё лицо в ладони. — Не говори так. Я не потеряю тебя.

— Тогда докажи. Сегодня на балу. Не смотри на неё. Танцуй только со мной.

— Она не придёт. — Он говорит это почти уверенно. — Я запретил ей появляться в тронном зале без моего разрешения.

Я качаю головой. Как он не понимает?

— Она придёт. Ты запретил — она нарушит. Ей плевать на твои запреты. Она хочет, чтобы я видела. Хочет, чтобы двор видел. Это её игра.

— Элиана, ты слишком много думаешь о ней.

— А ты — слишком мало. Она была твоей женой триста лет. Ты знаешь её лучше всех. Значит, знаешь, что она не подчиняется правилам.

Он вздыхает. Тяжело, как человек, который несёт на плечах непосильный груз.

— Хорошо. Если она придёт — я не подойду к ней. Обещаю.

— И не смотри.

— И не посмотрию.

— И танцуй только со мной.

— Только с тобой.

Я смотрю на него. В его глазах — усталость, вина, любовь. Нет лжи. По крайней мере, я хочу так думать. Потому что если он лжёт — у меня не останется ничего.

— Сегодня я буду в изумрудном платье. В том, что ты подарил мне перед свадьбой. Помнишь?

Его лицо смягчается. Он почти улыбается — впервые за сегодня.

— Я узнаю тебя из тысячи. Даже если ты придёшь в доспехах.

— Не говори красивых слов. Лучше сделай так, как обещал.

— Сделаю.

Я подхожу вплотную. Кладу ладонь на его грудь. Сердце бьётся ровно, сильно, под ладонью — живое тепло.

— Тогда поцелуй меня. Чтобы я поверила.

Он наклоняется. Его губы находят мои — сначала мягко, потом требовательнее. Я чувствую, как его руки ложатся мне на талию, притягивают ближе. В поцелуе — не страсть. Тоска. И обещание. Он целует так, будто хочет сказать: «Я здесь. Я с тобой. Не уходи».

Мы отстраняемся не сразу. Я смотрю на него — на морщинки вокруг глаз, на серебряные ниточки седины в висках. Он стареет. Я замечаю это только сейчас.

— Приходи сегодня ночью. В спальню. Не к ней.

— Приду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Тогда до вечера.

— До вечера.

Я выхожу из кабинета.

В коридоре Селеста ждёт, прислонившись к стене. Её лицо напряжённое — она подслушивала.

— Ну?

— Он обещал.

— А ты веришь?

— Не знаю. — Я иду по коридору, она — за мной. — Но выбора нет. Если я сейчас начну ему не верить — она выиграет.

— Ты говорила про пустые глаза. Это правда?

Я останавливаюсь. Поворачиваюсь к подруге.

— Ты знаешь, что меня пугает больше всего?

— Что?

— Я видела эту пустоту раньше. У людей, которых проклятие трона поедало изнутри. Они становились марионетками. Говорили не свои слова, делали не свои дела. А потом умирали.

— Ты думаешь, она тоже под проклятием?

— Не знаю. Но если это так — Лилиана не враг. Она жертва.

— А кто тогда враг?

Я молчу. Потому что у меня нет ответа.

После обеда Лисса ждёт меня в гардеробной.

Платья разложены на манекенах: белое, золотое, серебряное, чёрное, изумрудное. Каждое — воспоминание. Каждое — оружие.

— Лисса, — говорю. — Надень на меня изумрудное.

Она улыбается.

— Я знала, что вы его выберете, госпожа. Оно ваше. Вы в нём сияли на первом балу перед Отбором. Помните?

— Помню. Ты тогда застегнула сто пуговиц и сказала: «Императрица должна сиять».

— И сияли. И сейчас будете.

Она помогает мне раздеться. Селеста подходит с другой стороны. Вместе они застёгивают пуговицы, поправляют шлейф, расправляют кружево. Лисса работает быстро, её пальцы помнят каждое движение.

— Лисса, спасибо тебе, — говорю тихо. — За всё. За Отбор. За ту ночь, когда ты спасла мне жизнь. За то, что рисковала собой.

— Не надо благодарностей, госпожа. — Она не поднимает головы. — Вы моя госпожа. Я за вас — в огонь и в воду.

— Знаю. Поэтому и говорю. И знай, я ценю твою преданность. Сильнее, чем могу выразить.

Селеста кашляет.

— Ладно, нежности в сторону. Диадему давай.

Лисса поправляет мои волосы, закрепляет изумрудную диадему — ту самую, что Дамиан подарил мне в день, когда объявил меня победительницей Отбора. Я смотрю в зеркало.

В отражении — женщина. Не та испуганная девчонка, что пришла во дворец полгода назад. Другая. С твёрдым взглядом и сжатыми губами.

— Ну как? — спрашиваю.

— Сногшибательно, — говорит Селеста.

— Вы прекрасны, госпожа, — добавляет Лисса. — Как в тот первый раз.

— Идём.

Тронный зал утопает в свете.

Тысячи свечей отражаются в полированном чёрном мраморе пола, хрустальные канделябры парят под потолком, удерживаемые магией Астора. Живые орхидеи обвивают колонны, их приторный, тяжёлый запах смешивается с ароматами мёда, ладана и шампанского. Гости расступаются передо мной, как море перед королевским кораблём.

Я вхожу под звуки фанфар. Изумрудное платье струится по мрамору, золотые драконы на шлейфе вспыхивают при каждом шаге. Зал затихает — я чувствую сотни взглядов. Восхищённых, завистливых, враждебных. Ни одного равнодушного.

Дамиан ждёт у трона. Он в чёрном камзоле с золотым шитьём, плащ цвета воронова крыла на плечах. Его взгляд прикован ко мне. Только ко мне.

— Ты узнал меня? — шепчу, когда он берёт мою руку.

— Сказал же — из тысячи.

Первый танец объявляют. Мы выходим в центр зала под тихие аплодисменты. Его рука на моей талии, моя — на его плече. Оркестр начинает играть медленный, торжественный вальс.

— Ты дрожишь, — замечает он.

— От страха.

— Чего?

— Что ты не сдержишь слово.

Он прижимает меня ближе. Его ладонь горячая, пальцы чуть дрожат.

— Сдержу.

Танец заканчивается. Зал взрывается аплодисментами. Дамиан целует мою руку — и остаётся рядом. Не отходит к советникам, не ищет глазами дверь.

Второй танец — снова наш. Третий — тоже.

Шёпот в зале нарастает, как гул далёкого моря. Я ловлю обрывки фраз:

— Император танцует только с ней...

— А где первая императрица?..

— Говорят, ей запретили появляться...

Я вижу, как взгляды гостей скользят к дверям. Придворные ждут. Они хотят зрелища. Они хотят крови.

— Она не придёт, — шепчет Дамиан, когда мы начинаем четвёртый танец. — Я запретил. Она послушается.

— Ты плохо знаешь женщин, — отвечаю тихо. — Особенно тех, кто носил твою корону. Он не успевает ответить.

Оркестр берёт паузу перед пятым танцем. И в этой тишине — тишине, которую можно резать ножом, — я чувствую, как воздух в зале меняется. Становится плотнее, тяжелее. Музыканты опускают инструменты. Гости замирают с бокалами у губ.

Дверь открывается без единого звука.

Лилиана входит.

Фанфары не играют. Оркестр молчит. Только шорох её чёрного платья по мрамору, только тихий стук каблуков, отдающийся в висках каждого присутствующего.

Чёрное платье. Не просто чёрное — ночное, звёздное. Расшито чёрными рубинами, которые мерцают глубоким багровым, как угли в пожаре. По подолу, по воротнику, по краям рукавов — драконьи камни, меняющие цвет от угольно-чёрного до фиолетового. Точно такие же, как на плаще Дамиана.

Она надела это намеренно. Чтобы каждый увидел: они — пара.

Светлые волосы распущены, на шее — колье с чёрными рубинами. Ни короны, ни диадемы. Только брошь — серебряная роза с шипами. Я смотрю на эту брошь и вспоминаю розу на подушке. Те же шипы. Та же смертельная красота.

Она идёт медленно, грациозно, как хищница, не торопящаяся убивать. Улыбается тем, кто её узнаёт. Шёпот разносится по залу, как пожар.

— Первая императрица...

— Жива...

— Как она красива...

Но слова звучат приглушённо, будто через вату. И я замечаю то, чего не замечали другие: она идёт по залу, но её глаза... они не смотрят ни на кого. Они смотрят сквозь всех. Пустые. Серебряные. Как у куклы.

Дамиан смотрит на неё. Я чувствую, как его рука на моей талии каменеет.

— Ты обещал, — шепчу.

— Я помню.

— Ты смотришь.

Он переводит взгляд на меня — на секунду. Потом снова туда. Я вижу борьбу в его глазах.

— Элиана, я не могу...

— Можешь. Ты обещал.

Он зажмуривается на мгновение, будто пытается стереть её образ. Потом открывает глаза и смотрит только на меня.

— Не смотрю.

Лилиана уже среди гостей. Пожимает руки, кивает, улыбается. Она знает, что делает. Она заставляет его ждать.

Пятый танец объявляют. Лилиана не спешит. Стоит у колонны, пьёт шампанское, переговаривается с лордом Морвудом. Ждёт.

— Она не подойдёт, — говорю, пытаясь удержать Дамиана рядом.

— Не подойдёт, — повторяет он, как заклинание.

Шестой танец. Седьмой. Восьмой.

Я танцую с лордом Лорканом, с герцогом с юга. Дамиан остаётся у трона, но его взгляд то и дело скользит к колонне, где она стоит. Она улыбается. Пьёт вино. Ждёт.

Девятый танец. Я возвращаюсь к Дамиану. Беру его за руку. Пальцы у него ледяные.

— Танцуй со мной. Ещё один.

Он кивает. Мы выходим в центр.

— Я справлюсь, — шепчет он.

— Знаю.

Десятый танец. Оркестр играет быструю мелодию. Мы кружимся, и я чувствую, как он постепенно расслабляется. Его взгляд снова мой.

И в этот момент Лилиана решается.

Она идёт через зал. Медленно. Каждый шаг — как удар барабана, хотя музыканты продолжают играть. Гости расступаются, замирают. Дамиан замечает её краем глаза — я вижу, как напрягаются его плечи.

— Не смотри, — приказываю я.

— Я смотрю на тебя.

Она подходит. Останавливается в двух шагах. Я чувствую её запах — розы, только розы. Слишком сильный, почти удушающий. Как будто она пытается скрыть им что-то другое.

— Ваше величество, — она кланяется Дамиану. Потом смотрит на меня. — Элиана. Вы сегодня великолепны. Изумрудный цвет вам к лицу.

— Благодарю.

— Можно пригласить императора на танец?

Тишина. Сотни глаз смотрят на меня. Если я скажу «нет» — Лилиана объявит меня ревнивой дурой, скрывающей мужа от прошлого. Если скажу «да» — Дамиан нарушит слово. Я чувствую, как его пальцы сжимают мою руку. Он борется с собой.

Я делаю выбор. Ради него. Ради нас.

— Один танец, — говорю. — А потом он мой. Весь вечер.

— Элиана... — Дамиан напрягается.

— Я разрешаю. — Смотрю ему прямо в глаза. — Иди. Но помни, чьё кольцо на твоём пальце. Помни, что я здесь. Жду.

Он колеблется. Секунду. Две. Потом кивает.

— Хорошо.

Он отпускает мою руку — медленно, нехотя, — и идёт к Лилиане. Она берёт его под руку, улыбается — холодно, победно. Но я смотрю на её глаза. Они по-прежнему пустые.

Даже когда она побеждает — в них нет радости.

Я остаюсь у колонны. Спина к холодному мрамору, сжимая бокал шампанского. Селеста подходит, встаёт рядом.

— Ты сама его отпустила.

— Чтобы она не объявила меня ревнивой дурой при всём дворе. И чтобы он знал — я ему доверяю.

— А доверяешь?

— Должна.

Мы смотрим, как они выходят в центр зала. Оркестр начинает медленный, интимный вальс. Дамиан держится напряжённо, его плечи каменные. Он не смотрит на Лилиану — поверх её головы, на меня. Каждый раз, когда она пытается придвинуться ближе, он чуть отклоняется.

— Смотри, — шепчет Селеста. — Он не улыбается. Не целует ей руку. Просто выполняет долг.

— Потому что он мой муж.

— Потому что он тебя любит.

Танец длится вечность. И в то же время — одно мгновение.

Я смотрю на Лилиану. Она улыбается, но её улыбка не доходит до глаз. Она кружится, но в её движениях нет жизни. Только отточенная механика куклы.

И вдруг — на одну секунду — я вижу это.

Её взгляд натывается на что-то за моей спиной. И в этом взгляде — ужас. Настоящий, животный ужас, от которого кровь стынет в жилах. Она видит кого-то, кого боится так, как боятся только древнего зла.

Я медленно оборачиваюсь.

В дальнем углу зала, у самой дальней колонны, стоит юноша. На вид ему лет восемнадцать — не больше. Но он не выглядит мальчишкой. Нет.

Он красив. Той редкой, пугающей красотой, от которой захватывает дух. Светлые, почти платиновые волосы падают на плечи ровными прядями. Лицо — точеное, мужественное, с правильными, острыми скулами и волевым подбородком. Прямая осанка, будто он проглотил аршин. Статный, широкие плечи, дорожный плащ сидит на нём как королевская мантия. Он не просто стоит — он присутствует. Заполняет собой пространство, хотя не издаёт ни звука.

А потом я смотрю в его глаза.

И мир вокруг перестаёт существовать.

Взгляд восемнадцатилетнего юноши не может быть таким. Пронзительный, мудрый, глубокий — он смотрит на меня, и я чувствую, что он видит меня насквозь. Все мои страхи, мои сомнения, мою любовь и мою боль. В его глазах — опыт столетий. Понимание того, что обычному человеку не дано. Он слишком умный. Слишком старый для своей юной оболочки. Не по годам мудрый.

Это пугает. И завораживает одновременно.

Он не сводит глаз с Лилианы. Но краем взгляда касается и меня.

— Кто это? — шепчет Селеста за моей спиной.

Я не отвечаю. Потому что не знаю. Но понимаю одно: этот юноша — не случайный гость.

Лилиана дрожит. Я вижу, как её плечи напряглись, как побелели пальцы, сжимающие веер. Она знает его. И боится.

Юноша не двигается. Не улыбается. Его лицо — маска спокойствия, но в глазах я читаю то, что невозможно подделать: боль. Тихую, давнюю, привычную. И решимость.

Он здесь не просто так.

Танец заканчивается.

Дамиан отпускает Лилиану, не целуя руки, и идёт ко мне — через весь зал. Не оглядываясь. Под аплодисменты? Нет. В тишине.

Но я смотрю не на него. Я смотрю на ту колонну.

Юноша исчез. Растворился в толпе, будто его и не было. Только лёгкое движение воздуха напоминает, что он здесь стоял.

Лилиана стоит одна у окна, бледная как смерть, и дрожит. Её идеальная улыбка стёрлась с лица. Она прижимает ладонь к груди, будто у неё болит сердце. Её глаза мечутся по залу — ищет его.

— Ты видел? — спрашиваю Дамиана, когда он берёт меня за руку.

— Что?

— Там был юноша. У колонны. Светловолосый. Красивый, мужественный, статный. Лилиана на него смотрела. Она испугалась.

Дамиан оглядывает зал. Хмурится.

— Там никого нет, Элиана.

— Был. Клянусь тебе. Ему на вид лет восемнадцать, но глаза... Дамиан, у него глаза старца. Мудрые, пронзительные. Он смотрел на неё, и она дрожала. Он слишком умный для своих лет. Не по годам.

Дамиан замирает. Бледнеет так, что его лицо становится серым. Его рука на моей талии сжимается до боли.

— Ты уверена, что он был светловолосый? — голос севший, чужой.

— Абсолютно. И очень красивый. Прямая осанка, широкие плечи. Он выглядит как юноша, но взгляд... Я такого ни у кого не видела. Слишком умный для своих лет. Не по годам мудрый.

Дамиан отпускает меня. Делает шаг назад. Смотрит туда, где стоял юноша, и я вижу, как его лицо каменеет.

— Пойдём, — говорит он. — Танцуй со мной. Не думай об этом.

— Ты знаешь, кто это.

Не вопрос. Утверждение.

— Не сейчас, Элиана. Прошу.

Он уводит меня в центр зала. Одиннадцатый танец. Двенадцатый. Тринадцатый.

Но я чувствую, что его мысли уже не здесь. Он ищет кого-то глазами. И боится найти.

Лилиана стоит у окна, пьёт вино, улыбается придворным. Не смотрит на нас. Не смотрит на колонну. Но её руки дрожат. Я вижу.

Кто этот юноша? Почему она его боится? И почему в его глазах — такая древняя мудрость, которая не сочетается с юным лицом?

Бал заканчивается далеко за полночь. Свечи догорают. Гости расходятся.

Дамиан провожает меня до спальни. У двери останавливается. Целует в лоб — рассеянно, будто я призрак.

— Приду ночью, — говорит и уходит, не оглядываясь.

Я захожу в спальню.

На подушке — алая роза. Свежая, с каплями росы. И записка, перевязанная чёрной лентой.

Разворачиваю. Серебряные чернила мерцают в темноте.

«Ты хорошо танцевала. Но танец — не битва. Завтра в полдень. Беседка. Приходи одна.

Л.»

Селеста заглядывает через плечо.

— Не смей идти.

— Должна.

— Ловушка.

— Знаю.

— Она тебя убьёт.

— Может быть. Но если я не приду — она победит.

— А тот юноша? Светловолосый, с глазами старца? Ты правда его видела?

— Видела. — Я сжимаю пергамент. — И теперь я знаю: в этой войне есть третий. Тот, кого боится даже Лилиана.

— Кто он?

— Не знаю. Но завтра я спрошу у неё.

— Она не скажет.

— Скажет. Потому что я спрошу так, что ей придётся.

Я ложусь на кровать. Изумрудное платье струится по простыням, золотые драконы мерцают в темноте. За окном — луна. Жёлтая. Тяжёлая.

Завтра — бой. И я готова.

Визуал к главе 2.

Глава 3. Лицом к лицу

Ночь после бала я помню как сквозь воду. Тёплую, живую, укрывающую с головой.

Дамиан сдержал слово. Пришёл. Не к ней — ко мне.

Мы лежали в темноте, и я чувствовала, как его сердце бьётся в унисон с моим. Он шептал, что я — его жизнь, что без меня он не дышит. Я верила. Хотела верить. Его руки помнили каждую линию моего тела, губы — каждый изгиб. Мы любили друг друга всю ночь — жадно, отчаянно, будто в последний раз. Будто завтра наступит конец света.

Уснула под утро, прижавшись к его плечу. Его дыхание грело макушку, пальцы перебирали мои волосы. Я чувствовала себя в безопасности. Впервые за многие дни.

Проснулась — его нет.

Только вмятина на подушке, запах дыма на простынях и тяжесть в груди. Я провела ладонью по его стороне кровати — она уже остыла. Он ушёл давно. Наверное, к ней. Или просто в кабинет, спасти империю от очередного кризиса. Я не знала. И боялась спрашивать.

Селеста уже на ногах. Стоит у окна, заложив руки за спину. Смотрит на сад, где садовники обрезают розы. Я вижу её отражение в стекле — напряжённое, серьёзное.

— Вставай, — говорит, не оборачиваясь. — Полдень скоро.

— Я помню.

— Я иду с тобой. — напоминает она. — Жду у беседки. С ножом для масла.

— Нож я заменила на кинжал. — Она наконец поворачивается. Глаза серьёзные, в них нет ни капли обычной игривости. — Серебряный. На всякий случай.

— Не понадобится.

— Надейся. Я буду рядом. В кустах сирени. Если что — кричи.

Я киваю. Одеваюсь просто. Серое платье, без вышивки, без кружев. Волосы собираю в узел на затылке — ни к чему давать ей лишнее оружие. В сапог — кинжал от Селесты. Холодная сталь касается щиколотки — ниточка спокойствия среди паники. Маленький клочок контроля.

— Готова?

— Нет. — Я смотрю на себя в зеркало. — Но иду.

Беседка у восточной стены. Гравийная дорожка хрустит под ногами как чужие кости. Я иду медленно, считая шаги. Пятьдесят три. Пятьдесят четыре. Пятьдесят пять. Селеста остаётся в кустах сирени — тень среди теней. Я вижу, как мелькнул её рыжеватый хвост, и сразу пропал.

— Если через час не выйду — врывайся, — шепчу, проходя мимо.

— Через полчаса, — доносится тихое. — С криком «пожар».

На секунду уголки моих губ дёргаются вверх. Мелочь, но она греет. Знать, что ты не одна — иногда важнее любого оружия.

Ветер доносит запах роз. Тот самый — тяжёлый, сладкий, могильный. Он въелся в камни, в кору деревьев, в мою кожу. Я теперь пахну им даже после купания. Словно проклятие оставило на мне метку.

Она уже в беседке.

Белое платье, светлые волосы распущены — ветер перебирает пряди, будто гладит любимую. Стоит у каменной скамьи, прислонившись плечом к колонне. В руках — бокал с красным вином. Пьёт медленно, маленькими глотками, и я вижу — пальцы дрожат. Чуть-чуть. Почти незаметно. Но я замечаю. Я теперь замечаю всё.

— Пришла, — говорит. Голос спокойный, но в нём нет прежней сладости. Он усталый.

— Как договаривались.

— Одна?

— Как ты просила.

Она кивает. Ставит бокал на скамью. Садится — небрежно, по-хозяйски, будто эта беседа всегда была её. Жестом приглашает меня сесть напротив.

Сажусь. Расстояние между нами — вытянутая рука. Достаточно, чтобы ударить. Достаточно, чтобы защититься.

— Ты знаешь, почему проклятие существует? — начинает без предисловий.

Я молчу. Она смотрит в сад, но я вижу — она не видит ни кустов, ни цветов. Она там — сотни лет назад, в крови и огне. Её глаза пустеют, но не той пустотой марионетки. Другой — пустотой воспоминаний, которые невозможно забыть.

— Был пятый клан, Элиана. Ты не слышала о нём — их стёрли из истории. Клан Некрос. Древний, старше империи. Они владели магией смерти, душ, проклятий. Придворный маг-основатель уничтожил их, стёр с лица земли. А перед смертью их глава проклял трон. «Императрица Лилиана, взошедшая на него, заплатит своей кровью. Или кровью своих детей».

Холод поднимается по позвоночнику, добирается до затылка. Я невольно ёжусь.

— Я тоже прошла Отбор, — продолжает Лилиана. — Ты думаешь, ты первая, кому было страшно? Первая, кто плакал в подушку, боялся засыпать? Я тоже плакала. Я тоже проходила испытания, где за каждым углом — смерть. Ты продержалась месяц. А я — семь недель, потому что в моё время Отбор был жестче. Я видела, как девушку зарезали на моих глазах. В её крови была моя ночная рубашка, когда я выходила к императору.

Она замолкает. Берёт бокал, делает глоток. Я жду, не перебивая. Мне кажется, что если я сейчас скажу хоть слово — она захлопнется, и я никогда не узнаю правду.

— Мы полюбили друг друга, — говорит она тише. — Не сразу. Я ненавидела его за то, что он забрал меня из дома, заставил участвовать в этом безумии. А он ненавидел меня за то, что я не боялась. Но потом... потом мы поняли, что не можем дышать друг без друга.

Её голос теплеет. Она смотрит в сторону дворца, туда, где императорские покои.

— У нас было счастье, Элиана. Настоящее. Тысячи дней и ночей, когда я просыпалась в его объятиях и знала — это навсегда. Мы вместе правили империей, вместе смеялись, вместе горевали. Он дарил мне розы — те самые, что ты ненавидишь. Каждое утро. Я сушила лепестки и хранила в шкатулке. У меня до сих пор есть несколько — они уже чёрные, но пахнут так же.

Она проводит рукой по воздуху, будто гладит невидимые цветы.

— А потом родилась Камелия. Наш первенец. — Её голос ломается. — И проклятие проснулось. Дочь умерла через месяц.

— Я не знала... — вырывается у меня.

— Откуда? — Лилиана усмехается, но в усмешке нет злости. Только горечь. — Дамиан не говорит о ней. Не может. А я... я держала её на руках, кормила, купала — и знала, что каждый день может стать последним. Она улыбалась мне, Элиана. Она тянула ко мне ручки. А я не могла её спасти.

Слёзы текут по её лицу. Она не вытирает их.

— Дамиан не спал ночами, охранял её колыбель. Бесполезно. Проклятие сильнее любых замков. Сильнее любой любви.

— Потом родился Дариан. — Она смотрит на меня в упор. В её глазах — огонь. — Он родился здоровым, сильным. Внешность — моя, светлые волосы, серебряные глаза. Но характер — отца. Гордый, упрямый, несгибаемый. Я поклялась, что он выживет.

— И ты спрятала его.

— Да. В Тихих Землях. Мы с Дамианом решили: он должен жить вдали от трона. Я отдала всю свою магию, чтобы создать для него барьер. После этого я стала слабее, а проклятие — сильнее. Но он вырос. Он жив. И он... — Она замолкает, будто не решаясь говорить дальше.

— И он отказался от престола, — заканчиваю я. — Ты говорила.

— Он не просто отказался. Он ушёл в изгнание сам. Потому что не смог смириться с тем, что его мать стала марионеткой. Он видел, как проклятие пожирает меня. И не захотел смотреть дальше.

Лилиана замолкает. Смотрит на свои руки — белые, тонкие, с длинными пальцами. Я замечаю, что ногти у неё обломаны. Как будто она грызла их от нервов.

— А потом я ушла, — говорит она. — Подстроила свою смерть, чтобы спасти Дамиана. Проклятие убивало меня, а через меня — его. Каждую ночь я чувствовала, как он задыхается за сотни километров. Я не могла этого допустить. Я лучше умру для него, чем позволю ему умереть из-за меня.

— И теперь вернулась, — говорю. Это не вопрос.

— Теперь — да. — Она встаёт. — Потому что я узнала: проклятие можно уничтожить. Нужно только принести жертву. Не обязательно кровную. Достаточно... отказа. Я не готова умереть. Я уже умирала, три века я умирала каждый день. А теперь я пришла, чтобы покончить с этим. Занять своё место. Защитить своего сына. И быть счастливой. Любящей и любимой женой. Я заслужила.

Она делает шаг ко мне.

— А ты... — Лилиана смотрит сверху вниз. — Ты — разлучница. Пустышка. Покувыркалась с ним три месяца и думаешь, что достойна занять его сердце и империю? Ты ещё даже доли не прошла того, что пережила я. Семь недель Отбора. Потеря дочери. Спасение сына. Триста лет изгнания. А что ты? Ты даже не знала, что такое настоящая боль, пока не встретила меня.

Я встаю. Мы одного роста, смотрим глаза в глаза. Я чувствую запах её дыхания — вино и розы. И горечь.

— Мне жаль тебя, — говорю. — Правда жаль. Ты потеряла дочь. Спрятала сына. Ушла в изгнание. Триста лет одиночества — это не шутка. И я никогда не скажу, что моя боль больше твоей.

— Мне не нужна твоя жалость.

— А я и не даю. — Мой голос твёрже камня. — Я говорю факты. Тебя не было три века. Если бы ты хотела что-то изменить, вернулась бы раньше. До того, как он женился на мне. До того, как я полюбила его. До того, как мы стали семьёй.

— Семьёй? — Она усмехается. — Вы не семья. Ты — временная. Игрушка. Утешение для старой боли.

— А ты — прошлое. — Я не отвожу взгляда. — Я не буду с тобой соревноваться, кто больше страдал. Не буду доказывать, что достойна. Я просто люблю его. И он любит меня.

— Он любил меня триста лет.

— Любил. Прошедшее время. — Я делаю шаг назад. — Я не уйду. Не добровольно. Не по принуждению. Я буду бороться. За него, за трон, за себя. Если бы ты хотела уничтожить проклятие раньше — вернулась бы, не дожидаясь, пока он найдёт другую. Ты ждала. Ты надеялась, что он не сможет без тебя. Но он смог. Он жив. Он счастлив. И это не твоя заслуга.

Лилиана замирает. На секунду в её глазах мелькает что-то — боль? гнев? удивление? А может, даже уважение?

— Ты смелее, чем я думала, — говорит она тихо.

— Я не смелая. Я отчаянная. — Я смотрю на неё в упор. — Знаешь, в чём разница? Смелый идёт в бой, зная, что может победить. Отчаянный идёт, зная, что может проиграть, но не может отступить. Я не могу отступить, Лилиана. Не после всего.

Она долго смотрит на меня. Потом протягивает руку. На ладони — алая роза. С шипами. С каплями росы.

— Передай Дамиану. Скажи, я жду.

— Передай сама.

— Не могу. — Её голос становится тише, почти шёпотом. — Если я подойду к нему — я не смогу уйти снова. А я должна. Проклятие не прощает слабости.

Она кладёт розу на скамью.

— Будь осторожна, Элиана. — Впервые она называет меня по имени. — Я не хочу твоей смерти. Но если ты встанешь на моём пути — я уберу тебя. В последний раз.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю.

Она выходит из беседки. Идёт по дорожке, не оглядываясь. Белое платье мелькает между кустами и исчезает. Я смотрю ей вслед, и меня колотит крупная дрожь.

Смотрю на розу. Беру. Шипы впиваются в ладонь — острая, живая боль. Кровь капает на белый камень. Я зажимаю ранку платком.

— Не плачь, — шепчу себе. — Не смей.

Выхожу к кустам сирени. Селеста уже на ногах, сжимает кинжал так, что костяшки побелели.

— Жива?

— Жива.

— Что она сказала?

Кратко пересказываю. Про пятый клан, Отбор, счастье, дочь, сына, её изгнание.

— Она назвала меня пустышкой. Разлучницей. Сказала, что я даже не знаю, что такое боль.

— И что ты думаешь?

Я выпрямляюсь. Смотрю на свои руки — на кровавую царапину от розы.

— Я думаю, что она — жертва. Но это не даёт ей права отнимать у меня жизнь. — Я поднимаю голову. — Я — Элиана из Астерии. Жена императора. И я не отдам своё место.

— Молодец. — Селеста сжимает мою руку. — Идём к Дамиану. Пусть знает.

Дамиан в кабинете. Смотрит в огонь камина, не оборачиваясь на шаги. Я кладу розу на стол — между его картами и остывшей чашкой чая.

— От Лилианы.

— Что сказала?

Пересказываю. Всё. Без утайки. Про Камелию, про Дариана, про проклятие Некроса, про её Отбор, про их счастливые годы. Он бледнеет, когда я говорю о месячной дочери. Его руки дрожат.

— Это правда? — спрашиваю, хотя знаю ответ.

— Правда, про детей. — глухо отвечает. — Пятый клан уничтожен, но проклятие осталось, которое накладывалось лично на неё. Мы должны его снять ради будущего моего единственного сына. Я это узнал только когда она вернулась во дворец... Спустя 300 лет, она искала способ в одиночку. Она была счастлива. Мы были счастливы. Пока проклятие не сожрало всё. Сначала дочь. Потом её. Потом сына. Потом меня.

— Она хочет уничтожить проклятие. Говорит, что нашла способ.

— Она всегда была такой. Жертвенной. Смелой. Отчаянной.

— А я? — Я смотрю на мужа. — Я какая?

Он поднимает голову. В его глазах — усталость, вина, любовь.

— Ты другая. Ты — моё настоящее.

— Тогда докажи. Выброси эту розу.

Он встаёт. Идёт к камину. Сжимает цветок в кулаке — шипы впиваются в кожу, но он не обращает внимания. Бросает розу в огонь.

Лепестки скручиваются, чернеют, превращаются в пепел. Запах горелых роз наполняет комнату.

— Довольна?

— Нет, — честно отвечаю я. — Но легче. Хоть немного.

Вечером он приносит портреты. Два маленьких, в деревянных рамках.

Первый — мальчик лет двенадцати. Светлые волосы, серебряные глаза, прямой взгляд. В нём уже чувствуется характер — гордый, упрямый, нестигаемый. Это Дариан. Я узнаю в нём того юношу, которого видела на балу. Те же глаза. Та же мудрость, не по годам.

— Он был таким серьёзным, — говорит Дамиан. — Никогда не плакал. Даже когда упал с лошади и сломал руку.

Второй портрет — девочка с кукольным лицом. Светлые кудри, большие глаза. Камелия.

— Месяц. Всего месяц, — шепчу я.

— Я держал её на руках раз сто. Каждый день боялся, что он станет последним. — Дамиан смотрит на портрет, и я вижу слёзы в его глазах. — Мы похоронили её на холме, под старой ивой. Лилиана посадила белые розы. Я приходил туда каждый день, пока Лилиана не исчезла. Потом мне стало слишком больно. Я перестал приходить.

— А Дариан? — осторожно спрашиваю.

— Дариан не простил. — Дамиан отворачивается к окну. — Сказал, что проклятие убило его сестру и сломало мать. Сказал, что я — слабак, потому что не смог защитить никого. Уехал в Тихие Земли и не вернулся. Я этого не одобрил, не понял и не принял его выбор. Я был строг с ним. Мне стоило быть мягче. Но я боялся, что проклятие заберёт и его.

— Он вернулся, — говорю. — Я видела его на балу. Светловолосый юноша с твоими глазами. Он смотрел на Лилиану. Она дрожала.

Дамиан замирает.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Он выглядит на восемнадцать, но взгляд — как у старого мудреца. Слишком умный для своих лет.

— Это он, — тихо говорит Дамиан. — Он вернулся. Не ко мне. К ней.

— Может, он знает, как её спасти.

— Может. — Дамиан садится в кресло, устало откидывается на спинку. — Но он не захочет говорить со мной. Я потерял его доверие.

— Тогда я поговорю с ним.

— Ты? — Он поднимает бровь. — Он не слушает никого.

— Он слушал меня на балу. Я видела. Он смотрел на меня краем глаза.

Дамиан долго молчит. Потом кивает.

— Будь осторожна. Дариан не глуп. И он не прощает.

Я иду в свои покои. Селеста уже расстелила постель. За окном — луна. Жёлтая, тяжёлая, как предчувствие.

— Завтра коронация? — спрашивает она.

— Завтра её последний ход, — поправляю. — Лилиана что-то задумала.

— А ты?

— А я — не пустышка. — Я смотрю на свои руки. — Я — та, кто не сдаётся. Я не отдам своё счастье. Ни ей, ни проклятию, никому.

Ложусь. Закрываю глаза.

Перед сном ко мне приходит образ — юноша с серебряными глазами и платиновыми волосами. Он смотрит на меня спокойно, мудро. И я чувствую — он знает больше, чем говорит. Я проваливаюсь в сон...

Глава 4. Первый удар

Утро коронации началось как праздник. Но закончилось как казнь.

Я стояла перед зеркалом в белом платье, расшитом жемчугом и серебряными нитями, и не верила своему счастью. Лисса застёгивала последние пуговицы, Селеста поправляла диадему — ту самую, изумрудную, что Дамиан подарил мне после победы в Отборе. Мои волосы были уложены в сложную причёску с локонами, спадающими на плечи.

— Ты выглядишь как богиня, — сказала Селеста. — Лилиана удавится от зависти.

— Не каркай. Пусть лучше удавится от радости за нас.

— Она не умеет радоваться за других.

— Знаю. Поэтому я готова.

Через час меня назовут императрицей. Дамиан будет держать мою руку. Лилиана — смотреть со стороны и кусать губы. Всё шло по плану.

— Ты готова? — спросила Селеста, подавая мне букет белых роз.

— Более чем.

— Тогда идём. Тронный зал ждёт.

Церемония прошла великолепно. Астор — седой, величественный, в мантии из драконой кожи — читал древние молитвы на языке, который понимали только камни. Я стояла на коленях перед Дамианом, чувствуя, как каменный пол холодит ноги даже через подушку.

Дамиан взял корону с бархатной подушки. Она была из белого золота, с россыпью изумрудов и бриллиантов, и весила больше, чем я ожидала. Но когда он опустил её на мою голову, тяжесть стала приятной — будто на плечи легла не власть, а крылья.

— Клянёшься ли ты, Элиана из Астерии, защищать империю, чтить её законы, править с мудростью в сердце и правдой на устах? — спросил Астор.

— Клянусь, — ответила я. Голос не дрогнул.

— Клянёшься ли ты быть верной женой императору, делить с ним радость и печаль, власть и ответственность?

— Клянусь.

— Тогда прими корону и встань как императрица Эрдийской империи.

Я поднялась. Зал взорвался аплодисментами. Кто-то кричал «ура», кто-то плакал, кто-то хлопал сдержанно, но вежливо.

Я искала глазами Лилиану. Она стояла в дальнем углу, у самой дальней колонны, белая, как её платье. Не аплодировала. Не улыбалась. Просто смотрела пустыми глазами куклы — теми самыми, серебряными, в которых не было жизни.

Я улыбнулась ей. Она не ответила.

Дамиан взял меня за руку, поднёс к губам.

— Ты прекрасна, — шепнул он.

— Я знаю.

— И скромна, как всегда.

— Это не моё качество.

Он рассмеялся — впервые за много дней. Я почувствовала, как напряжение покидает его плечи.

После церемонии — банкет. Длинные столы ломились от яств: жареные поросята, заливные рыбы, фрукты из южных садов, пирожные с золотыми искрами. Вино лилось рекой, гости поздравляли, музыка играла. Я сидела по правую руку от Дамиана и чувствовала себя королевой мира.

— Пей, — сказал Дамиан, пододвигая мне бокал. — Ты заслужила.

— Не хочу потерять голову.

— Тогда хотя бы пригуби.

Я пригубила. Вино было сладким, с привкусом мёда и корицы. Таким же, какое мы пили в нашу первую брачную ночь. Ирония судьбы — тогда я боялась, что меня убьют. Теперь боялась, что меня предадут.

Лилиана сидела в дальнем конце стола, одна, без свиты. Ей не предлагали тосты. Никто не хотел с ней пить. Даже Морвуд делал вид, что занят разговором с соседом. Она была изгоем. Но в её глазах — пустых, кукольных — я не видела ни обиды, ни гнева. Только смирение. Или ожидание.

Она ждала.

Я почти забыла о ней. За болтовнёй, за тостами, за тем, как Дамиан гладил мою руку под столом. Забыла, кто она и на что способна.

И это была моя ошибка.

Банкет шёл уже третий час, когда Дамиан поднялся с бокалом, чтобы провозгласить тост за меня.

— За Элиану, — сказал он. — Мою жену, мою императрицу, моё...

Он не договорил.

Дверь тронного зала распахнулась с грохотом, от которого зазвенели хрустальные подвески люстр.

Вошёл лорд Морвуд. За ним — двое стражников с железными наручниками. Не золотыми, не церемониальными — боевыми, с магическими печатями, которые блокируют силу.

— Простите, что прерываю торжество, — сказал Морвуд с елейной улыбкой. — Но обнаружены доказательства измены. Прямые, неопровержимые.

Замолчали даже музыканты. Скрипки замерли в воздухе. Слуги застыли с подносами.

— Кого вы обвиняете? — спросил Дамиан, ставя бокал. Его голос был спокойным, но я почувствовала — внутри него всё сжалось.

— Новую императрицу, — Морвуд вынул из-за пазухи пачку пергаментов, перевязанных чёрной лентой. — Письма, подписанные её рукой, к лорду Корину — тому самому, что бежал из столицы после покушения. В них она обещает передать ему южные земли, контроль над портами и треть армии. В обмен на поддержку против императора и устранение первой императрицы Лилианы.

Я рассмеялась. Не потому, что было смешно, а от абсурда. От того, как легко ложь облекается в красивые слова.

— Это подделка. Я никогда не писала таких писем. Я даже не знаю, где южные земли на карте.

— Экспертиза магистра Астора подтверждает: подпись подлинная, — отрезал Морвуд. — Магия не лжёт.

Я посмотрела на Астора. Он стоял у колонны, бледный, с каменным лицом. Его глаза смотрели куда-то в пол.

— Астор, ты же знаешь, что это не я! — воскликнула я. — Ты был рядом всё это время. Ты видел, как я боролась за трон. Зачем мне его предавать?

— Магия не лжёт, ваше величество, — ответил он, не поднимая глаз. — Подпись ваша. Могу показать результаты.

Он протянул мне лист пергамента. Я взяла. Сравнила с образцом, который держала в руках сотни раз — свои расписки, приказы, личные письма. Подпись совпадала. Полностью. Даже изгиб буквы «Э» — тот самый, который я выводила автоматически.

Холод пополз по позвоночнику.

— Это невозможно, — прошептала я.

— Возможно, если вашу подпись подделали с помощью магии крови, — сказал Астор. — Но для этого нужна ваша кровь. Или... подлинный документ, который кто-то скопировал.

Я посмотрела на Лилиану. Она не двигалась. Сидела на своём месте, пила вино, смотрела на меня поверх бокала. И улыбалась. Той самой улыбкой — холодной, кукольной, пустой.

Она знала. Она это сделала.

— Дамиан, — повернулась я к мужу. — Ты же веришь мне? Ты знаешь, что я не способна на предательство. Я прошла Отбор, я сломала проклятие. Я твоя жена.

Он смотрел на письма, на меня, на Лилиану. Его лицо было серым, как пепел. В глазах — боль. Такая острая, что мне захотелось закричать.

— Я... я должен проверить, — сказал он глухо. — Астор, проводи полную экспертизу. Магическую и физическую. Я хочу видеть каждый этап.

— Это займёт неделю, — ответил Астор.

— У нас есть неделя.

— Нет, — вмешалась Лилиана. Она встала из-за стола. Белое платье струилось по полу, светлые волосы падали на плечи. — Измена не ждёт. Пока идёт экспертиза, Элиана должна быть изолирована. Лишена титула. Лишена права приближаться к императору.

— Ты не имеешь права это требовать, — процедила я.

— Имею, — её голос стал твёрже. — Я первая императрица. Я пострадавшая сторона. Если письма подлинные, ты планировала моё убийство. И убийство Дамиана.

— Ты прекрасно знаешь, что это ложь!

— Докажи.

Зал зашептался. Главы кланов переглядывались. Леди Мораг кивала, лорд Лоркан хмурился, Астор стоял как каменное изваяние.

Дамиан поднял руку, требуя тишины.

— Элиана, — сказал он, и его голос дрожал, — пока не выясним правду, ты будешь жить в своих покоях. Без права выхода. Без права принимать кого-либо, кроме служанок. Это — не наказание. Это — защита. Если ты невиновна, я лично извинюсь перед всем двором. И Морвуд ответит за клевету.

— А если они решат, что виновна? — спросила я тихо. Так тихо, что только он услышал.

— Этого не случится, — шепнул он, но в его глазах не было уверенности.

Я смотрела на мужа и понимала: он не знает, кому верить. Лилиана — его прошлое. Я — его настоящее. Но прошлое длилось триста лет, а настоящее — три месяца.

— Хорошо, — сказала я. — Я подчиняюсь. Но запомни, Дамиан: ты выбираешь между правдой и ложью. Надеюсь, не ошибёшься.

Меня подхватили под руки стражники. Я не сопротивлялась. Только на пороге обернулась.

Лилиана стояла у трона, положив руку на его подлокотник — туда, где только что сидел Дамиан. Она не улыбалась. Не насмехалась. Просто смотрела на меня пустыми глазами.

А рядом с ней, в тени колонны, я заметила движение.

Светловолосый юноша. Тот самый, что был на балу. Дариан. Он стоял, прислонившись к мрамору, и смотрел на мать. В его глазах — не боль, не гнев, не сочувствие. Только спокойствие и уверенность.

Он поймал мой взгляд и чуть заметно кивнул.

Я вышла.

В покоях меня заперли. Селеста осталась со мной, Лиссу выставили за дверь — стражники не пускали никого, кроме личной служанки.

— Это всё она, — прошептала Селеста, когда засов лязгнул.

— Я знаю.

— Что будем делать?

— Ждать. И думать.

Я села на кровать. Сняла корону — холодный металл обжёг пальцы. Положила её на подушку, как больную голову кладут на плаху.

— У меня есть план. Но для него нужен союзник.

— Какой?

— Тот, кого боятся даже Лилианы. Дариан.

— Ты с ума сошла? Он сын. Он будет на её стороне.

— Нет. Он пришёл её спасать. От проклятия. Я чувствую.

— И как ты его найдёшь?

— Селеста, сегодня ночью ты должна пробраться в город. В заброшенный дом за восточной стеной. Там пахнет розами — не садовыми, а теми, кладбищенскими. Жди. Если кто-то придёт — это он.

— А если не придёт?

— Придёт. Он знает, что я хочу с ним говорить. Он видел мой взгляд на балу.

Селеста вздохнула.

— Ты когда-нибудь перестанешь втягивать меня в безумные авантюры?

— Когда перестану быть императрицей.

— Это вряд ли.

— Вот и не жалуйся.

Ночь. Луна — жёлтая, тяжёлая, с тенью, похожей на череп.

Селеста ушла через потайной ход, о котором знали только мы с Лиссой. Я осталась одна в спальне. Свечи догорали, отбрасывая длинные тени на стены.

На подушке — алая роза. Свежая, с каплями росы. Шипы острые, как клыки. Записка, перевязанная чёрной шёлковой лентой.

Я развернула. Серебряные чернила мерцали в темноте, как глаза кошки.

«Поздравляю с коронацией. Очень жаль, что она продлилась всего несколько часов. В следующий раз я не буду такой мягкой. Л.»

Я сжала пергамент. Бумага хрустнула, но не порвалась. Подошла к камину, бросила в огонь. Смотрела, как пламя лижет серебряные буквы, как они чернеют, скручиваются, рассыпаются в пепел.

— Не будет следующего раза, Лилиана. Я сама нанесу удар.

Взяла розу. Шипы впились в ладонь — острая, живая боль. Я не отдернула руку. Смотрела, как кровь капает на белый подол моей ночной рубашки.

— Ты хотела войны? Ты её получишь.

Я бросила розу в камин следом за запиской. Пламя взвилось выше, лизнуло каменный свод. Запах горелых роз наполнил спальню — тяжёлый, сладкий, могильный.

Села на кровать. Сняла ночную рубашку — кровавые пятна остались на простынях. Завернулась в халат.

Сон не шёл.

Я встала. Подошла к столу. Зажгла свечу. Взяла перо, бумагу.

Написала:

«Элиана, если ты читаешь это после всего, что случилось, — значит, ты выжила. Ты не сломалась. Ты не ушла. Ты боролась.

Помни: Лилиана — не злодейка. Она жертва. Но жертва, которая готова уничтожить тебя ради своего спасения. Не ненавидь её. Ненависть ослепляет.

Найди Дариана. Он ключ.

И не сдавайся. Ты — императрица. Даже если корона снята».

Свернула лист, спрятала в шкатулку из слоновой кости. Туда же положила засохший лепесток от первой розы, которую подарил Дамиан.

Легла в постель.

За окном — луна. Жёлтая. Тяжёлая.

Селеста вернулась под утро.

— Он придёт, — сказала она, падая в кресло. — Завтра. В полночь. В ту же беседку.

— Ты с ним говорила?

— Нет. Он оставил записку. Под розой.

Она протянула мне клочок пергамента. Я развернула.

«Жди. Д.»

Закрыла глаза.

Завтра — разговор с сыном Лилианы. Завтра — первый шаг к победе.

Глава 5. Народный гнев

Шум за окном нарастает как перед грозой. Сначала я принимаю его за ветер — в этих краях осенью он воет так, что стены дрожат. Но ветер не кричит человеческими голосами. И не швыряет камни в стёкла.

Я подхожу к окну, отодвигаю штору — и замираю.

Внизу, перед дворцом, десятки тысяч. Не сотни — тысячи. Они заполнили всю площадь, растеклись по прилегающим улицам, лезут на крыши домов. Простые люди в рваных плащах, торговки с перекошенными лицами, ремесленники с молотами, крестьяне с вилами. Их лица искажены яростью, и все они смотрят на мои окна.

— Предательница!

— Сжечь ведьму!

— Она продала империю врагам!

— Налоги! Из-за неё мы голодаем!

Я не поднимала налоги. Я вообще не имею права их поднимать. Но Лилиана позаботилась, чтобы все поверили в обратное. Она распустила слухи — тихо, умело, как паутину. Будто это я шпионка, работающая на интересы врага. Будто это я опоила Дамиана, чтобы править от его имени. И теперь каждый нищий, каждый разорённый ремесленник, каждый, кто пострадал от неурожая — все они знают моё имя. И ненавидят его.

— Госпожа! — Лисса влетает в комнату, бледная, с перекошенным лицом. — Там... они требуют вашей головы.

— Знаю. Не повторяй.

За её спиной я слышу, как грохочет по булыжникам — таран? Нет, просто вывороченные ворота. Толпа уже ломает ограду. В городе бьют стёкла. Над крышами поднимается чёрный дым. Пожары. Они жгут дома тех, кто хоть как-то связан с дворцом. Не разбирая — своих, чужих. Где-то кричит женщина. Кто-то зовёт на помощь.

— Лисса, закрой окна. И запри дверь.

— Сделаю, госпожа... охрану послали на усмирение. Во дворце почти никого! Если они ворвутся...

— Не ворвутся.

Она мечется по комнате, захлопывая ставни. Стекло уже треснуло под ударом камня. Ещё минута — и оно разлетится. Внизу — гул, как перед извержением вулкана. Я слышу отдельные выкрики:

— Долой самозванку!

— Верните наши деньги!

— Голову на площадь! Кровь за кровь!

Лилиана работала не день и не два. Она сеяла слухи неделю, не меньше, а сегодня просто дёрнула за ниточку. И кукла ожила. И теперь хочет пожираться.

В дверь стучат. Не вежливо — кулаками.

— Элиана из Астерии! — голос капитана стражи срывается, едва слышен из-за гула. — Приказ императора. Вы должны покинуть покои. Вас переводят в подземелье.

— За что?

— Лилиана подала жалобу. Толпа требует вашей головы. Если император не пойдёт на уступки — империю сметут. Город горит. Открывайте!

— Я не шпионка. Я не поднимала налоги. Я никого не опоила.

— Я знаю, госпожа. — Капитан вдруг замолкает, потом говорит тише: — Но толпа не знает. Им плевать на правду. Им нужна жертва. Они хотят увидеть, как на площади отрубают

голову изменнице. Если вы не выйдете — они выломают дверь и разорвут вас на куски. И меня заодно.

Смотрю на Лиссу. Она плачет. Мелко, беззвучно.

— Не плачь, — говорю тихо. — Всё будет хорошо.

— Вы вернётесь?

— Конечно. Обещаю.

Открываю дверь.

Капитан входит с двумя стражниками. Оба в крови — не своей. Видно, только что из уличной резни. Его лицо напряжённое, под глазом свежая ссадина.

— Простите, ваше величество. Приказ есть приказ.

— Я понимаю. Идёмте.

Коридоры дворца пусты, но за стенами — ад. Сквозь камень пробиваются крики, звон разбитого стекла, топот сотен ног. Кто-то ломится в боковые ворота. Где-то близко взрывается — масло? бочки? — и по стенам бежит дрожь.

— Что в городе? — спрашиваю капитана.

— Бойня. Жгут квартал кожевников, потому что кто-то сказал, что там прячут ваших шпионов. Разнесли две гильдии. Убили сборщика налогов — растоптали, госпожа, насмерть. Вспомнили всё: и старые долги, и неурожай, и поборы. И всё это вешают на вас. Каждый, кто потерял дом или сбережения, теперь кричит: «Это Лжеимператрица виновата!»

— И вы верите?

— Я солдат. Я исполняю приказы. Но если вы спросите моё мнение... Я так не считаю.

У входа в подземелье нас встречает Лилиана. Не в сером, как раньше, — в чёрном. Платье с высоким воротником, волосы стянуты в узел, на губах — удовлетворённая полуулыбка. Она смотрит на меня, как на уже мёртвую.

— Элиана, — кивает.

— Лилиана. Ты сожжёшь полгорода ради моей головы?

— Я не жгу. Это народ жжёт. Я просто дала ему твоё имя.

— Ты распустила слухи. Что я подняла налоги. Что я шпионка. Что я опоила императора.

— И все поверили. Потому что людям нужно на кого-то злиться. Ты удобная мишень. Чужачка. Вскочка. Женщина, которая пришла из ниоткуда и забралась на трон.

— Ты забываешь: я не брала трон. Меня выбрал Дамиан.

— Ах, Дамиан... — Она усмехается. — Толпа уверена, что ты его околдовала. И знаешь, они правы по-своему.

Она пропускает меня вперёд.

— Спускайся, императрица. Завтра — суд. Народ требует быстрой расправы. Говорят, не успокоятся, пока не увидят на площади твою голову. Я бы посоветовала тебе молиться.

Я спускаюсь по каменным ступеням. Холод и сырость встречают меня, как старые друзья.

В подземелье тихо, но это обманчивая тишина. Сверху, сквозь своды, доносится глухой рокот — тысячи глоток скандируют: «Голову! Голову! Голову!»

Капитан запирает дверь, уходит. Я остаюсь одна.

Холод просачивается сквозь каменные плиты, сквозь рваный плащ, сквозь кожу — прямо в кости. Запах сырости, плесени, ржавчины. И запах гари — он проник даже сюда.

Я считаю шаги от решётки до стены. Двенадцать туда, двенадцать обратно. Раз за разом. Чтобы не сойти с ума от этого гула сверху.

— Ваше величество, — голос капитана. — Вам передали еду.

Поднос просовывают в окошко. Хлеб, сыр, кружка воды.

— Кто?

— Астор. Сказал, чтобы вы ели. Завтра нужны силы.

Хлеб свежий. Я прячу его в карман. Воду пью мелкими глотками.

Через минуту окошко открывается снова. Капитан суёт мне клочок пергамента. «Тяну время, но Лилиана давит. Завтра в полдень — суд. Не сломайся».

Я сжимаю пергамент в кулаке. Завтра.

— Эли!

Голос Селесты. Она просунула пальцы в щель между дверью и косяком. Дышит тяжело, лицо в копоти, на лбу — свежая царапина.

— Селеста! Ты как здесь?

— Я украла ключи. — Она усмехается, но в глазах — страх. — У тюремщика. Пока он отвлёкся на драку в коридоре. Если его найдут мёртвым — я ни при чём. Просто уснул.

— Ты рисковала...

— А ты нет? Слушай, там такое... Лилиана распустила слухи, что ты работаешь на врага. Что ты хотела продать империю. Толпа верит каждому слову. Они уже повесили трёх сборщиков — им сказали, что сборщики твои люди. Город в огне. Император пытался выйти на балкон — ему кидают камнями. Его ранили в плечо.

— Дамиан ранен?

— Не сильно, но его оттеснили во внутренние покои. Лилиана фактически взяла власть. Совет молчит — боятся. Астор тянет время, говорит, что магическая экспертиза требует три дня. Но Лилиана не даст трёх дней. Она хочет суда завтра. И казни — сразу после.

— Селеста, найди Дариана. Ты знаешь где — дом у восточной стены. Скажи ему, что меня перевели в подземелье. Пусть придёт.

— А если его поймут? Лилиана убьёт собственного сына?

— Она проклята. Она убьёт любого, кто встанет на пути. Но Дариан — единственный, кто знает правду. И кто может рассказать её на суде. И единственный, кого она боится.

— Я найду его. Только... — она запинается. — Если я не вернусь к утру — значит, меня поймали. Не жди.

— Селеста...

— Не надо. Я знаю, на что иду. Ты тоже ради меня когда-то рискнула жизнью.

Пальцы Селесты сжимают мою ладонь на секунду, потом исчезают. Звякают ключи. Шаги удаляются.

Я остаюсь одна.

Стражники сменяются. Новые — незнакомые. Один плюёт на пол перед моей дверью.

— Изменница, — цедит. — Из-за тебя мою лавку сожгли. Двадцать лет копил. Всё прахом.

— Не из-за меня. Из-за Лилианы.

— Врёшь. Все знают — ты шпионка. Ты императора опоила. Ты налоги подняла.

— Я не поднимала налоги. Это слухи.

— Это правда! — Он почти кричит. — У нас на рынке сказали: «Это Астерия всё устроила, она врагам продась». И я верю. Потому что с тех пор, как ты появилась, только беды.

Старший стражник оттаскивает его.

— Хватит. Пусть доживёт до суда. Толпа хочет казни при всём честном народе. Им подавай зрелище.

Ночь (или то, что принимают за ночь) приносит долгожданную тишину. Бунт выдохся? Нет, просто стемнело. Люди разошлись по домам, чтобы завтра вернуться с новыми силами. И с новыми требованиями.

Кто-то крадёт по коридору. Дыхание, шорох. Запах горького табака.

— Элиана.

— Дариан.

— Селеста передала. Её едва не поймали, но она ушла через подземный ход. — Он садится у решётки. — Я видел мать. Она безумна. Проклятие разгоняется с каждым часом. Оно чувствует твою близость. Оно хочет твоей смерти.

— Ты поможешь мне завтра на суде?

— Я выступлю. Расскажу всё. Про проклятие. Про слухи. Про то, как она манипулирует толпой.

— Тебя не посадят рядом со мной?

— Посадят. Но я успею сказать главное. — Он протягивает схему подземелий. — А это на случай, если не успею. Здесь ходы, о которых не знает стража. Если меня заткнут — беги.

— Я не побегу. Я буду говорить правду. При всём народе. Пусть тогда попробуют меня убить.

— Они попробуют. И у них получится.

— Тогда хотя бы они узнают, что Лилиана — проклятая. Что все эти беды, налоги, слухи — её рук дело. Что я не шпионка и не ведьма.

Дариан молчит. Потом встаёт.

— Держись. Завтра всё решится.

— Дариан... Спасибо.

— Не благодари. Я делаю это не ради тебя. Ради правды. И ради матери — настоящей, не той, что сейчас жжёт город. И ради своего отца..хоть и был зол на него всю жизнь, да и сейчас я зол.

Шаги удаляются.

Я закрываю глаза.

Завтра — суд. Завтра — или свобода, или смерть.

Народ хочет мою голову на площади. Лилиана хочет моего унижения. Дамиан в патовом положении. Империя на грани кровавой революции.

Но я не сломясь.

Я не предательница.

И завтра я скажу это в лицо каждому.

Глава 6. Суд знати

— Выходите.

Капитан распахивает дверь камеры. Я встаю — ноги затекли, спина затекла, холод въелся в кости. Плащ серый, драный, волосы свисают мокрыми верёвками. Меня не мыли три дня. Пусть видят.

Коридор пахнет мочой и плесенью. Стражники сжимают алебарды, косятся на меня. Двадцать три ступени — поворот. Ещё двенадцать — дверь. За ней свет.

— Держитесь, — шепчет капитан.

— А у меня есть выбор? — бросаю.

Дверь открывается.

Свет бьёт так, что глаза слезится. Тысячи свечей, хрустальные люстры, золото и мрамор. Я щурюсь, но не опускаю голову. Иду прямо, вбивая шаги в паркет.

Зал Малого совета набит под завязку. Главы кланов в мантиях — синих, зелёных, багровых. Советники в черном. Знать на скамьях — кто с веерами, кто с лорнетами. Все пришли смотреть, как умрёт императрица.

Дамиан на троне. Не сбоку — на троне. Спина прямая, плечи развёрнуты. Глаза — холодная сталь. Он не смотрит на меня. Он сканирует зал, как хищник. Император.

Слева от него — кресло. Лилиана там. Серое платье, волосы узлом, ни одного камня. Только обручальное кольцо. Сидит смирно, руки на коленях, глаза в пол. Она просто Лилиана. Женщина, которая триста лет назад была первой.

В дальнем углу, у колонны — тень. Фигура в тёмном плаще, капюшон на пол-лица. Я замечаю её только когда делаю шаг к скамье подсудимых. Капюшон чуть приподнимается.

Серебряные глаза.

Дариан. Сын. Я уже видела его — на балу, в заброшенном доме. Тот же взгляд — старше самого времени. Он смотрит на меня, потом на мать, потом на отца. Подносит палец к губам. Словно своим видом хочет сказать: *«Я здесь. Если что — вмешайтесь.»*

Капюшон снова закрывает лицо. Он исчезает в толпе.

— Встать! Суд идёт!

Астор поднимается с судейского места. Посох в руке, мантия с золотыми звёздами. Старый маг не выглядит беспристрастным — выглядит так, будто готовится к бою.

— Сегодня выносится приговор Элиане из Астерии, обвиняемой в государственной измене. Обвиняет специальный прокурор Совета — лорд Эдгар Вердон.

Из тени выступает тощий мужчина в чёрном. Острый нос, жидкие волосы.

— Слово предоставляется Лилиане.

Лилиана встаёт. Медленно, как будто ей тяжело подняться. Выходит на середину зала — не ко мне, не к судьям, к знати.

— Я не была здесь триста лет, — начинает. Голос низкий, чуть срывается. — Триста лет в изгнании, в снегах, среди волков и воспоминаний. Я молилась каждую ночь, чтобы Дамиан жил. Чтобы империя не рухнула. Чтобы проклятие не сожрало их всех.

Она проводит ладонью по лицу — жест усталой, сломленной женщины.

— Вы помните меня. Леди Мораг — я лечила вашу дочь, когда та чуть не умерла от змеиного укуса. Вы тогда целовали мне руки. Лорд Морвуд — я уговорила Дамиана не казнить вашего брата, только сослать. Вы плакали у меня на плече.

Мораг кивает, опустив глаза. Морвуд хмурится, но не спорит.

— Я всегда была здесь для вас. Всегда. Потому что это моя империя. Моя семья. — Она поворачивается к Дамиану. — Я не бросала тебя. Я ушла, чтобы спасти. Проклятие выжигало меня, а через меня — тебя. Я выбрала изгнание, чтобы ты жил. И чтобы наш сын выжил.

Никто не удивляется. Слухи о Дариане разлетелись по дворцу за день.

— Я отдала всю свою магию, чтобы защитить его. Осталась беззащитной, бездомной, забытой. Но он жив. Он вырос. И это — единственное, что я не отдам.

Она вытирает глаза платком.

— Теперь я вернулась. Не за трон — он мне не нужен. Не за властью — она меня убивает. Я вернулась, чтобы закончить то, что начато. Уничтожить проклятие. Очистить империю.

— И вы можете мне верить. — Голос становится твёрже. — За триста лет меня ни разу не уличили во лжи. Моё слово — закон. Вы и сами это знаете.

Она кланяется, садится. В зале тихо.

Очень хитрый ход, думаю я.

Лорд Вердон встаёт, разворачивает свиток.

— У нас есть письма, подписанные Элианой, с обещаниями передать земли врагам. Экспертиза подтвердила подлинность. Есть свидетели.

— Подлинность? — Астор поднимает посох. — Я провёл собственное расследование.

В зале нарастает напряжение.

— Первое. Письма написаны чернилами клана Ветра. Доступ к таким чернилам — только у хранителей артефактов в запечатанных залах. Элиана туда никогда не входила. Это не её подпись — это подделка.

Лилиана сидит смирно, руки сложены.

— Второе. Трое «независимых» экспертов получили золото из императорской казны на прошлой неделе. Один из них — племянник казначея, который служит Лилиане. Казначей подтвердил под пыткой. Это не экспертиза — это заказ.

Зал гудит. Морвуд вертится.

— Третье. Служанка, которая давала показания против Элианы, призналась под артефактом правды. Её семье угрожали смертью. Она не лгала — она спасала своих детей. Заказчик — тот же, кто платил экспертам.

Лилиана поднимает голову. Голос тихий, ровный.

— Магистр Астор, вы обвиняете меня в подкупе, подлоге и угрозах?

— Я называю факты.

— У меня нет денег. Триста лет изгнания.

— Деньги возвращаются, когда есть те, кто должен.

Дамиан поднимает руку.

— Довольно. Голосуем.

Астор обводит зал.

— За оправдание Элианы из Астерии?

Тишина. Ни одной руки.

— За пожизненное заключение?

Лорд Лоркан, ещё двое старых советников. Жалкое меньшинство.

— За смертную казнь?

Лес рук. Леди Мораг поднимает тонкое запястье. Морвуд — сжатую ладонь. Почти все главы кланов, почти все советники. Лилиана не голосует. Сидит, опустив глаза. Строит из себя невинную овечку.

Астор смотрит на Дамиана.

— Большинство за смертную казнь.

Тишина становится плотной, как стена.

Дамиан встаёт.

Медленно. Весь рост, плащ с плеч, корона сверкает. Он переводит взгляд с одного на другого.

— Я, император Дамиан, использую право вето на решения Совета в вопросах жизни и смерти членов императорской семьи.

— На каком основании?! — кричит Морвуд.

— На том, что Элиана из Астерии носит моего ребёнка. Наследника престола.

Зал взрывается. Лилиана бледнеет, её пальцы впираются в подлокотник кресла. Даже тень в углу — Дариан — чуть подаётся вперёд.

— Астор подтвердил сегодня утром. Магическая экспертиза показала присутствие новой жизни императорской крови. — Дамиан смотрит на Лилиану. — Казнить беременную императрицу — значит убить наследника династии.

Астор кивает.

— Подтверждаю.

Я стою, не дыша. Какой ребёнок? У меня нет ребёнка. Но Дамиан смотрит на меня, и я молчу.

— Смертная казнь заменяется пожизненной ссылкой в Северные земли. Прецедент был семьсот лет назад, когда император Аурелий заменил казнь своей жены на изгнание. Верховный суд подтвердил право императора.

— Это было при других обстоятельствах! — кричит леди Мораг.

— Обстоятельства не важны. Важно право.

Он садится на трон.

— Привести приговор в исполнение сегодня же.

Зал негодует, но Дамиан смотрит так, что крики гаснут.

Лилиана встаёт. Кланяется — низко, почтительно.

— Ваше величество, я не буду оспаривать ваше решение. Вы — император.

Она садится, опускает глаза.

В дальнем углу фигура в капюшоне расслабляет плечи. Дариан убирает руку от пояса — вмешиваться не пришлось. Он на секунду поднимает капюшон, встречается со мной взглядом, кивает — и исчезает.

Меня уводят.

Я жду, что назад, в темницу. Но капитан сворачивает наверх.

— В мои покои?

— Приказ императора. До отправления вы живёте здесь.

Дверь распахивается. Свечи, кровать, цветы. Белые розы — садовые, не кладбищенские. Пахнет лавандой и воском.

Я подхожу к окну. Площадь внизу — море факелов. Люди с плакатами, камнями, палками. «Смерть!» — долетает даже сквозь толстые стёкла.

Дверь открывается без стука.

Дамиан. В доспехах, плащ на плечах, на лице — чужая кровь. Меч у пояса. Усталый, злой, живой.

— Ты в порядке?

— Жива. Что там?

— Бунт. Требуют твоей немедленной казни. Пришлось выйти к ним.

— И?

— Тридцать зачинщиков в подземелье. Остальные пока орут. Но я их успокою.

Он снимает плащ, бросает на стул. Подходит ближе. Смотрит в глаза — тяжело, без улыбки.

— Зачем ты солгал суду о ребёнке? — спрашиваю. — У меня нет ребёнка.

Он берёт меня за плечи. Пальцы горячие, жёсткие.

— Всё потом.

Целует. Не нежно — жадно, требовательно, так, что я спотыкаюсь и упираюсь спиной в стену. Его руки на моей талии, прижимает к себе, не отпускает.

Отстраняется.

— Я пойду успокою бунт. Полностью. Чтобы завтра никто не посмел поднять голову. А потом вернусь к тебе.

Поправляет выбившуюся прядь. Смотрит — долго, как перед боем.

— Моя императрица.

Уходит. Не оглядываясь.

Я остаюсь одна. Луна за окном — жёлтая, тяжёлая. Крики внизу начинают стихать — Дамиан гасит бунт.

Я жду.

Он обещал вернуться.

Я верю.

Глава 7. Ночь любви

Свечи оплывали, роняя воск на серебряные подставки. Тени метались по стенам, как живые. Где-то внизу, за толщей камня, ещё гудела толпа — глухо, отдалённо, как море за скалами. Дамиан гасил бунт. Тридцать зачинщиков уже в подземелье. Остальные разбегались.

Я сидела на краю кровати, всё ещё в том сером рубище, в котором меня привели из темницы. Плащ свалился на пол. Я не подняла.

Ждала.

Тишина давила. В ней слышалось всё: как потрескивает фитиль, как скребётся мышь за панелью, как бьётся моё сердце. Слишком громко. Слишком часто. Я прижала ладонь к груди — унять. Бесполезно.

Посмотрела в окно. Луна висела низко — жёлтая, тяжёлая, как налитая кровью. Площадь пустела. Факелы гасли один за другим, как умирающие звёзды. Эшафот остался стоять — пустой, никому не нужный. Деревянный палач застыл с опущенным топором.

Сегодня меня не казнили.

Но завтра — ссылка. Северные земли. Снега, волки, холод. И неизвестность.

Я закрыла глаза. Представила: бесконечная белая равнина, низкое небо, одинокая карета, увязаящая в сугробах. А он останется здесь. С ней. С Лилианой, которая смотрит на него пустыми глазами и улыбается.

— Нет, — прошептала в пустоту. — Не дождутся.

Дверь распахнулась без стука.

Дамиан.

В доспехах, плащ на плечах, на щеке — чужая кровь. Меч у пояса, рукоять липкая. Усталый, злой, живой. Такой живой, что у меня перехватило дыхание.

— Ты цела? — спросил, даже не поздоровавшись.

— Жду тебя.

Он усмехнулся — коротко, без веселья. Стянул плащ, бросил на стул. Перчатки — туда же. Подошёл к окну, выглянул.

— Толпа расходится. К утру будет тихо.

— Ты убивал?

— Достаточно, чтобы убедить. — Он повернулся ко мне. В глазах — не холод. Усталость. И что-то ещё. Голодное, нетерпеливое. — Им объяснили, что женщина, носящая наследника престола, неприкосновенна. Клань, которые посмеют её тронуть, будут стёрты с лица земли.

— Ты пригрозил кланам?

— Пообещал. — Он шагнул ко мне. — Есть разница.

Я встала. Мы оказались лицом к лицу. Я чувствовала его дыхание — горячее, с запахом дыма и железа. Он провёл рукой по моим спутанным волосам, коснулся щеки.

— Ты дрожишь.

— От холода.

— Врёшь.

— От страха, — призналась. — От того, что завтра меня увезут. И я не знаю, увижу ли тебя снова.

Он прижал меня к себе. Крепко, почти больно. Я чувствовала, как бьётся его сердце — часто, сильно, в унисон с моим.

— Увидишь. Клянусь.

Я подняла голову. Посмотрела в его глаза — серебряные, глубокие, с золотыми искрами в глубине.

— Зачем ты солгал суду о ребёнке?

— Тише. — Приложил палец к моим губам. — Стены слышат.

— Ты солгал. У меня нет ребёнка.

— Знаю.

— Зачем?

Он взял моё лицо в ладони.

— Чтобы спасти тебя. Голоса кланов — большинство. Я не мог отменить казнь, но мог заменить её ссылкой. Нужен был повод, который Совет не посмеет оспорить. Наследник престола — такой повод.

— А если они проверят?

— Астор уже «подтвердил». Его авторитет незыблем.

— Но через девять месяцев я не рожу.

— К тому времени я что-нибудь придумаю. — Усмехнулся. — Или ты родишь.

— Я не беременна.

— Пока нет. — Он провёл рукой по моему животу. Ладонь горячая, даже через ткань.

— Но это не значит, что я не хочу ребёнка.

Я замерла. Его пальцы замерли на моём поясе.

— Ты предлагаешь...

— Я предлагаю тебе, Элиана из Астерии, разделить со мной ложе и хорошенько потрудиться над зачатием настоящего наследника. Прямо сейчас.

— Ты сошёл с ума.

— Возможно. — В его глазах зажглось что-то тёмное, опасное, неистовое. — Но ты жива. Я хочу, чтобы ты оставалась живой. Для этого нам нужен настоящий ребёнок. Быстро. До того, как Совет опомнится.

— Это безумие.

— Это война. И мы её выиграем.

Он шагнул вплотную. Я отступила — упёрлась в кровать.

— Дамиан...

— Я не прошу. — Его голос сел до хрипоты. — Я требую. Как император. Как муж. Как мужчина, который не хочет терять свою женщину.

В его руке из ниоткуда появилась роза. Алая, длинный стебель, без шипов. Откуда — не знаю. Может, из-за спины. Может, из воздуха. Он поднёс её к губам, зажал в зубах.

Я забыла, как дышать.

Он шагнул вплотную. Ладонь на талию, вторая — ниже, на ягодицу. Резко прижал к себе. Корпус к корпусу. Я чувствовала его дыхание через лепестки — горячее, прерывистое. Твёрдость его тела. Запах — дым, пот, кровь. Мужской, живой, пьянящий.

— Ну? — прошептал, не вынимая розы. Лепестки щекотали мои губы. — Согласна?

— У меня есть выбор?

— Нет. — Усмешка дрогнула на губах. — Ты — моя жена. Я — император. И я желаю наследника. Сегодня. Сейчас.

Он вынул розу, воткнул в мои волосы — небрежно, красиво. Склонился к уху, коснулся губами мочки.

— Не бойся. Я буду нежен. Сначала.

Камзол — упал на пол. Рубаха полетела на стул. Я смотрела на его тело — сильное, в шрамах. Старые — от мечей, новые — от сегодняшней схватки. Он дрался за меня. До крови.

— Ты ранен, — прошептала, коснувшись свежей ссадины на ребре.

— Царапина. — Он перехватил мою руку, поцеловал пальцы. — Не отвлекайся.

— Дамиан...

— Тише. — Он подхватил меня на руки. Я вскрикнула от неожиданности. Он улыбнулся — впервые за весь вечер. По-настоящему. — Я же сказал: сначала буду нежным.

Он опустил меня на шёлк. Простыни холодные, но его руки горячие. Он навис сверху, разглядывая моё лицо.

— Я так боялся тебя потерять, — сказал тихо. — Когда суд выносил приговор... когда подняли руки за казнь... я думал, сердце остановится.

— Ты не подал виду.

— Император не может показывать страх. — Он провёл пальцами по моей щеке, по губам, по шее. — Но сейчас мы не при дворе. Сейчас я просто мужчина. И ты — моя женщина.

— Всегда, — прошептала.

— Докажи.

Он поцеловал меня. Нежно, долго, как в первую нашу ночь. Я чувствовала его вкус — горечь вина, соль пота, сладость обещания.

Потом поцелуи стали глубже. Требовательнее. Его руки скользили по моему телу, срывая одежду, оглаживая каждый изгиб.

— Я не хочу ребёнка из-за политики, — прошептал он между поцелуями, горячо, хрипло. — Я хочу ребёнка от тебя. Потому что люблю. Потому что ты — моя жизнь. Потому что без тебя я не дышу.

Я обвила его шею руками, притянула ближе.

— Тогда сделай так, чтобы я забеременела сегодня.

— Постараюсь.

Он затушил свечи. В комнате стало темно — только луна светила в окно. Жёлтая, тяжёлая. В её свете его лицо казалось высеченным из камня — прекрасным, суровым, родным.

— Я не отпущу тебя, — сказал он в темноту. — Даже в ссылку. Приеду. Увезу. Спрячу. Но не отпущу.

— Знаю.

— А теперь — работаем над наследником.

— Работаем, — усмехнулась я. — Приказывайте, ваше величество.

— О, я прикажу. — Голос сел до хрипоты, стал низким, вибрирующим. — Но сначала — попрошу.

Он приподнялся на локте, посмотрел в глаза.

— Останься со мной. Не завтра. Не в ссылке. Сейчас. В эту ночь. Будь моей.

— Я всегда твоя.

— Тогда докажи.

И я доказывала до тех пор, пока луна не поползла к западу, пока свечи не догорели до самого дна, пока за окном не стих последний крик.

Он был нежным. Потом жёстким. Потом снова нежным. Я кричала — от боли, от наслаждения, от того, что слишком много чувств не помещается в одной груди.

А под утро, когда он уснул, прижав меня к себе, я смотрела в потолок и гладила его волосы.

— Я вернусь, — прошептала. — Обязательно.

За стеной, в закрытом крыле, Лиана сидела у окна с чашкой давно остывшего чая. Она смотрела на луну и улыбалась — той тихой, печальной улыбкой, которая не предвещает ничего хорошего.

Сегодня она выиграла битву.

Но война только начиналась.

Глава 8. Прощание

Свечи догорели до самого дна.

Он дышал ровно и глубоко — сон, в котором не снятся кошмары. Я лежала, прижавшись щекой к его плечу, и слушала, как бьётся сердце. Медленно. Спокойно. Так, будто за окном не ждала ссылка, не бродила Лилиана, не собирался Совет.

Будто мы — просто муж и жена, у которых есть ещё одно утро.

— Ты не спишь, — сказал он вдруг, не открывая глаз.

— Откуда ты знаешь?

— Когда спишь, дышишь иначе.

Я не знала, что он замечает такие вещи. Я вообще не знала, сколько он во мне замечает. Это открытие кольнуло под рёбра — сладко и больно одновременно.

— Дамиан.

— М?

— Тот ребёнок... которого ты придумал на суде... ты правда его хочешь?

Он открыл глаза. Посмотрел на меня — серьёзно, без улыбки. Потом взял мою руку и положил себе на живот.

— Здесь. — Он накрыл мою ладонь своей. — Я чувствую. Он будет. Не потому, что мы обманули Совет. А потому, что я хочу его от тебя. И ты хочешь.

— Правда?

— Правда.

Он переплёл наши пальцы. Я смотрела на наши руки — его, большие, в шрамах; мои, тонкие, бледные. И поверила.

— Я боюсь, — призналась шёпотом.

— Чего?

— Что меня убьют раньше, чем мы успеем.

— Не убьют. — Он притянул меня к себе, уткнулся носом в макушку. — Я не позволю.

— А если ты не успеешь?

— Успею. Я император, Элиана. Империя без меня не продержится и месяца. Они не посмеют тронуть мою жену. А если посмеют — я сотру их с лица земли.

Я хотела ответить, но вдруг почувствовала, как подкатывает к горлу тёплая, горькая волна. Слезы. Они жгли глаза, щипали нос. Я зажмурилась, сжала губы, вдохнула глубоко — не сейчас, не здесь, не при нём. Императрица не плачет. Даже если завтра её сошлют.

— Элиана? — Он услышал. Конечно, услышал. Он всегда слышал то, что я пыталась скрыть.

— Ничего. — Голос дрогнул — чуть-чуть, на одном звуке. Но этого хватило.

Он приподнялся на локте, заглянул мне в лицо. Провёл большим пальцем по щеке, стирая непролитую слезу.

— Ну что ты, моя маленькая. — Голос его стал мягким, таким, каким он говорил только со мной. — Это временно. Как буря угаснет, я возобновлю расследование. Соберу новые доказательства. Найду тех, кто подделал письма. И ты вернёшься.

— Вернусь?

— Вернёшься. В Эрдийскую империю. На правах императрицы. Я обещаю.

— Обещаешь?

— Клянусь.

Он поцеловал меня — долго, нежно, с привкусом утра, когда всё ещё можно отменить. Но отменить было нельзя. Я обвила его шею руками, прижалась крепче. Хотелось остаться в

этой постели навсегда — слушать его сердце, чувствовать тепло его тела, вдыхать запах его кожи. Но за окном показались лучи солнца. И карета уже ждала.

— Нам пора, — сказала я.

— Знаю.

— Тогда вставай.

Мы оделись молча. Он помог застегнуть платье — тёмное, дорожное, без единого украшения. Я смотрела в зеркало и не узнавала себя. Ещё вчера я была императрицей. Сегодня — ссыльной, которую выгоняют в снега.

— Ты не наденешь корону? — спросила, глядя, как он застёгивает пояс с мечом.

— Не хочу, чтобы она резала глаза. Сегодня я не император. Я твой муж.

Он подошёл, поправил мне воротник. Пальцы задержались на шее, погладили, скользнули ниже, к груди.

— Если ты сейчас снова меня разденешь, мы никуда не уедем, — сказала я.

— А это плохо?

— Дамиан.

— Ладно, ладно.

Он убрал руки. Взял с тумбочки алую розу — ту самую, что вчера зажал в зубах. Лепестки её завяли, но не осыпались. Пахло сухими травами и чем-то неуловимым — тем, что осталось от ночи.

— На память, — сказал он и воткнул цветок мне за пояс.

— Я сохраню его.

— Выбросишь, когда засохнет окончательно.

— Не выброшу.

— Упрямая.

— Твоя.

Он взял меня за руку и повёл к двери.

— Пора.

Коридоры дворца тянулись пустые, как вены после кровопускания. Стража отводила глаза. Никто не хотел смотреть на императрицу, которую выгоняют. У бокового входа ждала карета — чёрная, без гербов, с глухими окнами. Рядом — капитан Эрхард, коренастый, седой, с обрубком пальца на левой руке. Двое стражников замерли по бокам.

— Всё готово? — спросил Дамиан, не глядя на капитана.

— Так точно, ваше величество. — Эрхард козырнул. — Дорога проверена. Подставы нет.

— Ты отвечаешь за неё головой.

— Знаю, ваше величество.

Я стояла, переминаясь с ноги на ногу. Тулуп был тяжёлым, неудобным. Роза торчала из-за пояса. Дамиан вдруг резко повернулся ко мне, схватил за плечи, притянул к себе.

— Слушай меня, — прошептал так, чтобы слышала только я. — Я приду за тобой. Не сразу, но приду. Ты будешь писать мне каждые три дня. Если письма перестанут приходить, я подниму армию и переверну все горы. Ты меня поняла?

— Поняла.

Он поцеловал меня — крепко, собственнически, с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Потом отстранился и сказал громко, для всех:

— Садись.

Капитан открыл дверцу. Я поднялась на подножку, шагнула внутрь. Деревянная ступенька скрипнула под тяжестью. В нос ударил запах соломы, конского пота и чего-то кислого — то ли от тулупа, то ли от прежних седоков.

— Капитан, — голос Дамиана стал ледяным, — ещё раз напоминаю: если с ней что-то случится, вы не доживёте до утра.

— Слушаюсь.

— Дверь закрывай.

Эрхард захлопнул дверцу. Щеколда звякнула. Я осталась в темноте — только узкая щель между шторками пропускала серый утренний свет.

Дамиан постучал по обшивке. Один раз. Коротко. Я не ответила. Не могла. Горло сдавило так, что любое слово превратилось бы в рыдание.

— Трогай, — донёсся его голос снаружи.

Колеса скрипнули. Карета дёрнулась, и меня бросило назад. Солома зашуршала под боком. Я прижала розу к груди, закрыла глаза.

Когда я снова их открыла, дворец уже скрылся за поворотом.

Первый час прошёл в тишине. Только скрип колёс да всхрапывание лошадей.

Я сидела, прижавшись спиной к холодной стенке, и смотрела в щель. Лес, снег, лес. Иногда — встречная подвода. Мужик в рваном тулупе провожал карету долгим взглядом, но потом отворачивался. Ему нет дела до ссыльной императрицы.

Роза кололась сухими шипами. Я вытащила её, поднесла к лицу. Лепестки уже побурели по краям, но всё ещё держались. Пахло увяданием и почему-то — его кожей. Как будто он прикоснулся к цветку перед тем, как вложить мне в руку. Или я выдумала это — от отчаяния, от страха, от того, что слишком хорошо помню его запах.

Второй час я задремала. Приснилось: дворец, залитый солнцем, и Лилиана в белом платье. Она стоит на балконе и смотрит на меня. Не машет, не улыбается. Просто смотрит — пустыми, серебряными глазами. Потом открывает рот и говорит: «Ты зря уехала. Здесь твоё место. Смерти». Я бегу к ней, хочу крикнуть, но земля уходит из-под ног, и я падаю в бездну, в темноту, в холод.

Проснулась от того, что карета резко остановилась. Капитан постучал в дверцу костяшками — три коротких удара.

— Ваше величество, выходите. Привал.

Я вылезла. Ноги затекли, в спине стреляло при каждом движении. Снег скрипел под подошвами, холод заползал под подол платья, лип к ногам, поднимался выше. Тулуп был тяжёлым, но не спасал — ветер продувал насквозь.

Эрхард возился с лошадьми, проверял подковы, подтягивал упряжь. Один из стражников отошёл в кусты — по нужде, второй остался, положив руку на меч, и всматривался в лес.

— Долго ещё? — спросила я.

— К ночи будем в корчме. Завтра к вечеру — горы. — Капитан бросил на меня короткий взгляд, потом отвернулся. — Не бойтесь.

— Я не боюсь.

— Врёте. — Он вздохнул, поправил седло. — И правильно делаете. Кто не боится — тот уже мёртв.

Я не ответила. Присела на поваленное дерево, достала розу. Лепестки её почти осыпались — я насчитала пять, последних. Осторожно подула на них, боясь сдуть. Вдохнула — ничего, только горькая пыль. Прижала сухой стебель к губам, пошептала что-то неслышно. Молитву? Просьбу? Имя? Сама не знала.

— Трогаем, — скомандовал капитан.

Мы поехали дальше.

Солнце клонилось к закату, когда я почувствовала тревогу. Не услышала — именно почувствовала. Спиной, затылком, кончиками пальцев. Что-то было не так. Слишком тихо. Даже лес затих — ни ветра, ни птиц, ни треска веток под копытами.

— Капитан, — позвала я, — мне кажется...

— Я тоже слышу, — перебил он. Голос его стал ниже, жёстче. Он положил руку на эфес меча.

В следующий миг всё рухнуло.

Из-за поворота дороги, прямо перед лошадьми, выросли пятеро. Чёрные плащи, лица закрыты грязными тряпками — только глаза, злые, холодные. Никто не закричал, не потребовал остановиться. Они просто атаковали.

Короткий свист — первая стрела вонзилась в плечо стражника, что сидел на козлах. Он дёрнулся, выронил меч и рухнул в снег. Второй стражник успел выхватить оружие, но двое нападающих набросились на него одновременно. Лязг стали, хрип, и он тоже упал.

Капитан выхватил меч, заслонил дверцу кареты.

— Сидите! — крикнул он мне. — Не высовывайтесь!

Но я уже открыла дверцу с другой стороны. Вывалилась наружу, упала в снег. Холод обжёг щёки, губы, веки. Вскочила — шатаюсь, хватаясь за ствол дерева, не понимая, где лево, где право.

Эрхард рубился у переднего колеса. Он был хорош — его меч мелькал, отражая удары троих. Но их было больше. Я видела, как один из нападающих заходит капитану за спину, хотела крикнуть — но не успела. Капитан обернулся сам, рубанул, и нападающий осел, прижав руку к рассечённому боку.

— Бегите! — крикнул Эрхард, не оборачиваясь. — В лес! Я их задержу!

Я побежала.

Ветки хлестали по лицу, оставляя жгучие полосы. Корни путались под ногами — я падала, вставала, снова бежала. Снег лез в сапоги, забирался под платье, охлаждал живот, грудь. Лёгкие рвались, горло саднило — каждое дыхание было как глоток битого стекла.

Сзади — топот. Тяжёлый, быстрый. Не один — двое. Я не оглядывалась. Боялась, что если увижу их, ноги остановятся сами.

— Стой, сука!

Голос — грубый, с хрипотцой. Не знакомый.

Я не остановилась.

Земля ушла из-под ног — я не заметила обрыва, просто провалилась в пустоту, покатилась кубарем вниз, цепляясь за снег, за кусты, за что попало. В ушах свистел ветер, перед глазами мелькали стволы, камни, тьма.

Приземлилась на дно оврага — плашмя, выбив дух. Лежала, хватая ртом воздух, смотрела в серое небо, где уже загоралась первая звезда.

Они нашли меня быстро.

Двое. Те, кто преследовал. Один — широкоплечий, с топором за поясом. Второй — ниже, коренастый, с мечом в руке. Остановились на краю оврага, посмотрели вниз. Потом начали спускаться — не спеша, осторожно, как охотники, которые знают, что добыча никуда не денется.

— Помогите, — прохрипела я. Голос не слушался — осипший, чужой.

— Поможем, — усмехнулся тот, что с мечом. — Смерть — она помощь. От всех проблем разом.

— Кто вас нанял?

— Какая разница, изменница? Всё равно не скажем.

Коренастый подошёл первым. Я попыталась отползти — но нога застряла между корнями, я дёрнулась и взвыла от боли. Лодыжку пронзило огнём, потемнело в глазах.

— Хорошо, сама себя поймала, — сказал широкоплечий. — Не придётся догонять.

Они остановились в двух шагах. Я видела их сапоги — грязные, в снегу, с толстыми подошвами. Видела, как капли талого снега падают с лезвия меча и замерзают на лету.

— За что? — спросила я, уже не надеясь на ответ.

— За то, что ты — не она, — сказал коренастый и поднял меч.

Я закрыла глаза.

Глава 9. Спаситель

Удар не пришёл.

Вместо этого — свист, лязг, глухой удар, и что-то тяжёлое рухнуло в снег рядом со мной. Я открыла глаза.

Коренастый с мечом лежал на боку, в его спине торчал кинжал. Второй, широкоплечий, выхватил топор, повернулся, но не успел сделать и шага. Из темноты вылетела стрела и вошла ему в горло. Он захрипел, выронил оружие, осел на колени и завалился лицом вниз.

Тишина. Только ветер шуршит снегом.

Из-за деревьев вышел человек. Светлые волосы, серебряные глаза, лёгкий плащ поверх кожаной куртки. Дариан. Он опустил лук, подошёл ко мне, протянул руку.

— Жива?

— Жива.

Я взялась за его ладонь, и он рывком поставил меня на ноги. Лодыжку пронзило огнём — я вскрикнула, закусил губу.

— Нога?

— Кажется, вывихнула, когда падала.

— Потерпишь. — Он взглянул вверх, где за деревьями всё ещё слышался звон мечей — капитан Эрхард добивал оставшихся. — Нам нужно уходить. Быстро.

— А капитан?

— Справится. Он не новичок.

Дариан сунул лук за спину, подхватил меня под локоть. Я опиралась на него, переставляла ноги с трудом, каждый шаг отдавался острой иглой. Лес вокруг стоял чёрный, ветки тянулись к небу, как скрюченные пальцы. Снег падал редкими, ленивыми хлопьями.

— Откуда ты взялся? — спросила я, когда боль чуть утихла.

— Следил за вами от самого дворца. — Дариан не смотрел на меня, вглядывался в темноту между стволов. — Знал, что нападут. Не знал только когда.

— Лилиана?

— Проклятие. Она не при чём. — Его голос стал жёстче. — Оно не терпит свидетелей, а ты — свидетель его существования.

— Но она видела тебя на балу. Она знает, что ты жив.

— Знает. — Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Проклятие теперь боится меня. Потому что я знаю, как его уничтожить. А мать... мать не может ко мне подойти. Её тело не слушается, когда я рядом. Проклятие закрывает ей глаза и уши, чтобы она не видела сына, который хочет её спасти.

— Она не знает, что ты против неё?

— Она вообще не знает, что я задумал. И не узнает, пока не станет слишком поздно.

Мы вышли на небольшую поляну. Дариан остановился, прислушался. Сзади уже не доносилось ни звона, ни криков. Бой стих.

— Капитан... — начала я.

— Жив. — Он повёл меня дальше. — Я бы услышал, если бы нет.

Мы шли долго — мне казалось, что часы. Луна поднялась высоко, когда впереди между стволами показалось что-то тёмное, с провалом входа.

— Пещера, — сказал Дариан. — Почти пришли.

Он помог мне спуститься в неглубокую ложбину, где из скалы торчал каменный козырёк, прикрытый шкурами. Отодвинул их, пропустил меня вперёд.

Внутри горел очаг — слабый, но живой. Пахло дымом, можжевельником, сушёным мясом. В углу — ворох шкур, деревянная миска, фляга. Не роскошь, но тепло и безопасно.

— Садись, — кивнул Дариан на шкуры. — Ногу покажу.

Я опустилась, прислонившись спиной к каменной стене. Он присел на корточки, осторожно снял сапог. Я зашипела, вцепилась в подстилку.

— Вывиха нет, — сказал он, ощупав лодыжку. — Растяжение. Дня три поболит, потом пройдёт.

— Три дня? — я не поверила.

— Могло быть хуже. — Он отодвинулся, подбросил дров в огонь. — Могли убить.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За то, что спас.

Дариан не ответил. Сидел, глядя на пламя, и молчал. Долго. Я уже думала, что он уснул с открытыми глазами.

— Я не спасал тебя, — сказал он наконец. — Я спасал семью.

— Родителей?

— Если бы ты умерла от руки её наёмников, она бы взяла на себя новый грех. А отец... отец бы себе никогда этого не простил бы... Когда проклятие падёт, мать вспомнит всё. Всю кровь, которую пролило её тело. Всю боль, которую причинило. Это убьёт её. Не тело — душу.

— А Дамиан?

— Он тоже. У нас плохие отношения... Но с ним я справлюсь. С отцом можно говорить. Мать — нет, пока проклятие внутри.

Я замолчала. Огонь потрескивал, бросая на его лицо красные отсветы. Молодой — на вид восемнадцать, — но глаза старые. Очень старые.

— Что будет дальше? — спросила.

— Ты останешься здесь. На несколько дней. Я схожу в замок, проверю кое-что. Пора готовить портал. Когда всё будет готово, вернусь за тобой.

— А если Лилиана найдёт это место?

— Не найдёт. — Он усмехнулся — впервые за весь вечер. — Это место проклятие не видит. Слишком старая магия. Слишком много слёз.

— Ты здесь живёшь?

— Не всё время. Но когда нужно спрятаться — да.

Он встал, подошёл к выходу, отодвинул шкуру. Луна уже поднялась высоко, заливая поляну мертвенным светом.

— Расскажи мне о портале, — попросила я.

Дариан не обернулся, но заговорил:

— Техника Некроса. Древняя, запрещённая. Чтобы открыть окно между мирами, нужны три вещи: кровь носителя проклятия, кровь того, кто хочет его спасти, и камень-ключ.

— Кровь носителя — Лилианы?

— Да. Я достал её несколько дней назад, когда она спала. Проклятие не заметило — я взял не много, каплю.

— А кровь того, кто хочет спасти? Твоя?

— Моя. И отца. — Он повернулся ко мне. — Ты тоже хочешь её спасти. Иначе зачем было соглашаться на ссылку?

— А камень-ключ?

— У меня есть. — Он достал из-за пазухи небольшой чёрный камень, размером с куриное яйцо. Внутри пульсировал багровый свет — как живое сердце. — Я нашёл его в горах, в заброшенном храме. Нёс три дня, прятал от магического поиска. Осталось только дожидаться полнолуния.

— Когда полнолуние?

— Через три дня.

Я замолчала. Три дня в пещере, потом — портал. Потом Лилиана исчезнет. Навсегда.

— А Дамиан? — спросила тихо. — Он знает, что ты меня спрятал?

— Мы договорились ещё до суда. — Дариан убрал камень обратно. — Он не хотел рисковать твоей жизнью. Карета, которая едет в ссылку, пуста. Настоящая ты — здесь. Капитан Эрхард — его человек. Стражники — тоже.

— А те, кто напал?

— Настоящие наёмники. Их наняла мать через подставных лиц. — Он усмехнулся — сухо, безрадостно. — Проклятие умнее, чем кажется. И отчаяннее. Оно чувствует, что мы близки, и пытается тебя убить, чтобы сорвать ритуал.

— А если у них получится в следующий раз?

— Не получится. — Он подошёл к выходу. — Я не позволю.

— Ты вернёшь меня? — спросила я.

— Верну. Когда проклятие падёт.

— А Лилиана?

— Уйдёт в твой мир. Без магии. Без памяти о прошлом. Начнёт новую жизнь. Других способов нет. Либо отправить её в другой мир. Либо убить. Но... у меня никогда не поднимется рука и я никому не позволю убить свою мать, даже тебе. Он мельком посмотрел на меня, в его взгляде мелькнула злость.

Я закрыла глаза. Слезы текли по щекам — я не вытирала.

— Спи, — сказал Дариан. — Завтра на рассвете я уйду в замок. Кристаллы требуют подпитки. Вернись через день.

— А если ты не вернёшься?

— Вернусь. — Он отодвинул шкуру, впуская струю холодного воздуха. — Я всегда возвращаюсь.

Я легла на шкуры, укрылась тулупом. За стеной выл ветер, потрескивал огонь. Где-то там, далеко во дворце, Дамиан стоял у окна и смотрел на дорогу, по которой уехала пустая карета. Он верил, что я жива.

Но тишина пещеры давила, и в голову лезли мысли, от которых хотелось кричать.

— Дариан, — позвала я.

— М?

— Ты точно сможешь? Портал не убьёт её?

Он долго молчал. Потом сказал — тихо, почти неслышно:

— Я триста лет искал этот способ. Если он убьёт её — я лягу рядом. Мы уйдём вместе.

— Не говори так.

— Это правда. — Он отвернулся к стене. — Теперь спи.

Я закрыла глаза. Сон не шёл. Я смотрела на угли, на тени, на его спину, застывшую у входа.

В пещере было холодно. Но внутри, там, где теплилась последняя надежда, горел маленький огонёк.

Он не погаснет.

Я не дам.

Глава 10. Новая личность

Дариан ушёл на рассвете.

Я проснулась от холода — очаг почти догорел, угли шипели под слоем пепла, как предсмертный шёпот. Рядом с лежанкой лежал свёрток: краюха хлеба, буженина, вяленые овощи, фляга с водой. И записка на куске бересты. Почерк резкий, угловатый, с нажимом — Дариан писал так, словно выдавливал слова из камня.

«Не выходи наружу. Я вернусь через день. Д.»

Я съела половину, запила водой. Лодыжка ещё болела, но уже позволяла осторожно наступать. Я сделала несколько шагов вдоль стены, держась за холодные шершавые камни. Дошла до входа, затянутого шкурой, прислушалась.

Тишина.

Ни ветра, ни звериного рыка, ни птичьего крика. Даже снег не скрипел — словно лес замер, боясь пошевелиться. Такая тишина бывает перед грозой или перед тем, как земля расколется надвое.

Я вернулась к очагу, подбросила сухих веток. Пламя лизнуло их, затрещало, но звук получился глухим, придавленным. Словно сама природа знала: скоро случится что-то непоправимое.

Я думала о Дамиане. О муже. О том, каким я видела его в последний раз — усталым, с серыми тенями под глазами, но всё ещё прямым, как клинок. Знает ли он, что на нас напали? Капитан Эрхард — жив ли он? . Я видела, как двое стражников упали в снег, как тёмная кровь расплылась под ними, паря на морозе. Тогда мне показалось, что все мертвы. Что сейчас откроют дверцу и меня вытащат наружу — Лилиана или её твари.

Но карета ушла. А потом — лес, бег, Дариан, который тащил меня на плече, не останавливаясь.

Если Эрхард добрался до замка, он доложит императору. Теперь Дамиан знает: меня нет в ссылке, я жива, и Дариан меня спрятал. Он знает, что мы сошли с маршрута. Что я где-то в лесах — живая, но недостижимая.

Что он сделает? Пришлёт погоню? Или сам поднимет коней и поскачет сюда?

Я закрыла глаза и попыталась представить его лицо. Не получилось — слишком много боли, слишком много страха. Вместо него из темноты выплывало другое лицо: бледное, с горящими глазами. Лилиана. Её тихий смех, её пальцы, обвивающие трон.

— Вернись, — прошептала я в пустоту. — Пожалуйста. Я не знаю, что буду делать, если ты не успеешь.

Огонь не ответил.

День сменился ночью. Ночь — ещё одним днём.

Дариан не вернулся.

Я сбилась со счёта. Спала урывками — просыпалась от каждого шороха, от того, как угли проваливались в золу, от того, как где-то далеко, может быть, у меня в голове, кто-то кричал. Ела, когда голод становился нестерпимым. Смотрела на огонь, пока глаза не начинали слезиться.

Лодыжка зажила почти полностью. На второй день я уже могла ходить без опоры — медленно, хромая, но сама. Это давало слабую надежду: если придётся бежать, я не упаду в первый же десяток шагов.

На третий день я начала думать, что он мёртв.

Что Лилиана узнала. Что она устроила засаду — теперь уже на самого принца. Что где-то в лесу, заваленном снегом, лежит его тело, а записка на бересте была последним прощанием. Я заставляла себя не плакать. Слезы не помогут. Но они всё равно текли — тихо, по-глупому, и я вытирала их тыльной стороной ладони, прикусывая губу, чтобы не завывать.

На третью ночь я не спала.

Сидела у очага, поджав ноги, и смотрела, как огонь лижет дрова. За стеной — ни звука. Даже совы замолчали.

А потом я слышала шаги.

Один человек. Тяжёлый шаг, сбивчивый, иногда останавливающийся. Хруст снега, сдавленный выдох, шорох одежды о ветки.

Я замерла. Рука сама нащупала кинжал, который Дариан оставил для защиты. Лезвие холодило пальцы.

Шкура на входе дрогнула. Отодвинулась.

На пороге стоял капитан Эрхард.

Один.

Он был неузнаваем. Грязный, замерзший, с запёкшейся кровью на левом виске — волосы слиплись, кожа под ними багровела, как старый синяк. Плащ разодран, сапоги облеплены снегом и грязью. Под глазами — чёрные круги, словно их выжгли углём. Но глаза живые. Усталые, обведённые красным, но живые.

— Капитан, — выдохнула я. — Вы...

— Живой, — глухо сказал он. — В отличие от остальных.

Он вошёл внутрь, опустился на корточки у очага — небрежно, не спрашивая разрешения. Руки тряслись. Он вытащил из кармана куртки трут и кресало, принялся высекать искру.

Я смотрела и не верила.

— Я думала, вы мертвы. Я видела, как стражники упали.

— Они упали, — подтвердил Эрхард, ударяя кресалом. Искра упала на трут, затлела. — Оба. Сразу. Я не успел даже скомандовать. Тварь была быстрой. Слишком быстрой. Я отбилсь чудом. Карета ушла, а я остался в лесу один.

— Как вы меня нашли?

— Не я. Император. — Он раздул огонь, подбросил мелких веток. Пламя лизнуло их, разгораясь. — Я добрался до замка через два дня. Пешком. Еле ноги унёс. Император выслушал меня. Он уже знал, что карета не дошла по маршруту. Сказал, что Дариан не мог допустить вашей смерти. И приказал мне идти обратно. Найти вас. Охранять до возвращения принца.

Я сжала кинжал, но уже не для защиты — чтобы спрятать дрожь.

— Дариан жив?

— Жив. Я встретил его на полпути. Он возвращался к вам, но задержался. Скоро будет.

Эрхард помолчал, глядя на огонь. Потом сказал:

— У меня для вас вести из дворца, ваше величество. Хорошие и не очень.

— Говорите.

— Император подавил бунт на южных рудниках. Три дня резни, но теперь тихо. Он снизил налоги для трёх провинций и выплатил компенсации семьям, чьи дома сожгли во время беспорядков. Народ потихоньку успокаивается. — Капитан помолчал. — Он не спал четыре ночи. Лично подписывал каждый указ.

Я закрыла глаза. Дамиан. Даже сейчас, когда я в бегах, когда Лилиана пьёт его кровь по капле, он продолжает править. Думает о людях. О налогах, о домах, о компенсациях.

— А Лилиана? — спросила я, стараясь не вздрагивать от этого имени.

— Астор морочит ей голову. — В голосе Эрхарда впервые проскользнуло что-то похожее на усмешку. — Сказал, что нашёл способ снять проклятие без жертв. Она поверила. Сейчас

она в закрытом крыле — Астор послал её на «магическое исследование», которое продлится ещё несколько дней. Она думает, что он ищет ключ. На самом деле он просто тянет время.

— Астор рискует.

— Он знает. Но говорит, что ради империи стоит рискнуть.

Я хотела спросить ещё, но Эрхард поднял руку:

— И ещё. Император просил передать... — он полез за пазуху, вытащил два предмета: кожаный мешочек, туго затянутый, и сложенный вчетверо лист плотной бумаги, запечатанный сургучом. — Он велел сказать: «Приказываю тебе ехать дальше от маршрута. Не возвращайся, пока не будет безопасно». И это — для вас.

Я взяла мешочек. Он был тяжёлым. Деньги. Много. Пальцы дрожали, когда я развязывала шнурок — внутри блеснуло золото. Императорские монеты. Дамиан отправил мне целое состояние.

— А это... — капитан протянул бумагу. Сургучная печать с двуглавым орлом. — Он сказал, что это лично вам.

Я разломила печать. Развернула лист.

Письмо.

Почерк Дамиана — не казённые приказы, не распоряжения секретарю. Его настоящий почерк. Крупный, неровный, с вылетающими буквами. Он писал быстро, словно боялся не успеть.

«Элиана.

Я не знаю, дойдёт ли это письмо до тебя. Я не знаю, прочитаешь ли ты его. Капитан сказал, что ты жива — это всё, что мне нужно, чтобы не сойти с ума.

Прости меня. За всё. За ту ночь. За то, что не уберёг. За то, что отправил тебя в эту карету. Я думал, что так будет безопаснее. Я ошибся.

Я приказал тебе ехать дальше от маршрута не потому, что хочу избавиться от тебя. А потому, что хочу, чтобы ты жила. Жила, даже если мне придётся сгореть в этом проклятом дворце.

Ты и сын — единственное, что осталось у меня светлого. Не смей умирать. Слышишь? Не смей.

Я приеду. Скоро. Как только смогу. Дождись меня.

Твой Дамиан.

P.S. Береги платье, которое принесёт Дариан. Оно греет лучше любого меха.»

Я перечитала письмо дважды. Потом в третий раз — медленно, по слогам, впиваясь в каждую букву. Слезы текли по щекам, и я не вытирала их. Пусть. Эрхард видел и хуже.

— Он... — голос сорвался. Я прокашлялась. — Он правда приедет?

— Он так сказал, ваше величество. А император не бросает слов на ветер.

Я спрятала письмо за пазуху, прямо на сердце. Мешочек с деньгами сунула в карман плаща.

— Спасибо, капитан. Вы не представляете, что это для меня значит.

— Представляю, — тихо сказал он. — Я видел, как он писал это письмо. Три черновика сжёг. На четвёртом остановился.

Дариан вернулся на следующее утро.

Я услышала его раньше, чем увидела. Твёрдая поступь, лёгкое позвякивание пряжек на плаще, сдержанное дыхание. Эрхард что-то сказал ему вполголоса, и принц ответил коротко, резко — я не разобрала слов.

Шкура отодвинулась. Дариан шагнул внутрь.

Он был бледен. Под глазами — те же тёмные круги, что и у капитана, но ещё глубже. Плащ в снегу, сапоги в грязи, на скуле свежая царапина. Но глаза горели холодным, сосредоточенным огнём.

— Жива, — сказал он вместо приветствия. Выдохнул — я поняла, что он задерживал дыхание. — Хорошо.

— Что случилось? — спросила я. — Ты обещал вернуться через день. Я ждала три.

— Я знаю. — Он опустился на корточки у очага, протянул руки к огню. Не глядя на меня. — Пришлось сделать крюк.

— Крюк? Куда?

Дариан помолчал. Потом поднял глаза — и я увидела в них то, чего боялась больше всего. Не усталость. Не боль. Бессилие.

— Артефактов не хватает, — сказал он тихо. — Для портала.

Повисла тишина.

— Каких артефактов?

— У меня есть только два — те, что хранились в родовой библиотеке. Третий — в Тихих землях. У северных кланов. Я думал, он там, где я оставил его десять лет назад. Но кланы перепрытали.

— Значит, портала не будет?

— Будет. Но не завтра. — Дариан встал, подошёл ко мне. Взял за плечи. — Элиана, ты не можешь оставаться в замке. И не можешь вернуться ко двору. Мать обыскивает леса. Она найдёт эту пещеру.

Я вздрогнула от того, как спокойно он назвал Лилиану матерью. Для него она действительно была матерью. Для меня — нет. Для меня она была чудовищем в человеческом обличье, которое отравило жизнь всем нам.

— Куда же мне идти?

— На север. Дальше, чем планировали. Туда, где настоящая ссылка. Но ты пойдёшь не как императрица. Северяне не подчиняются короне — они ненавидят сам запах дворца. Если узнают, кто ты, даже защищать не станут. Просто убьют или выдадут первой встречной своре. Поэтому у тебя будет другая история.

— Какая?

— Ты — не императрица. Ты — Элли. Беглая служанка.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он продолжил:

— Твоя госпожа — мелкая дворянка из южных провинций. Она поробла тебя по десять раз на дню за малейшую провинность. А когда решила выдать за старого конюха, который уже одной ногой в могиле, ты сбежала. Вместе с братом.

— С братом?

— С ним. — Дариан кивнул в сторону выхода, где стоял Эрхард. — Капитан отныне твой брат, Грегор. Вы вместе бежали на север, потому что здесь вас никто не найдёт. Северяне не любят корону и имперских чиновников, но к беглым крестьянам и слугам относятся с уважением. Они примут вас. Даже помогут.

— А если меня спросят об императрице? — тихо спросила я.

— Скажешь, что ничего не слышала о ней. — Дариан усмехнулся уголком рта. — Ты беглая служанка, тебе нет дела до дворцовых интриг. Ты просто хочешь выжить и чтобы тебя больше не били.

Я кивнула. Это было жестоко — отречься от себя, от своего имени, от мужа. Но другого выхода не было.

— А платье? — спросила я.

Дариан достал из-за спины свёрток, развернул.

Платье. Тёмно-рыжее, как шкура лисы в середине зимы. С высоким воротом, длинными рукавами, мехом на манжетах. Простое, тёплое, удобное. Без вышивки, без драгоценностей — ничего, что выдавало бы благородное происхождение.

— Это платье твоей служанки Лисы, — сказал Дариан. — Она осталась во дворце — но ей оно сейчас не нужно, а тебе пригодится. Не беспокойся, она жива и здорова. Я взял из её комнаты с разрешения — сказал, что нужно для одного дела.

Я провела пальцами по меху. Пахло лавандой и деревом.

— Ты хорошо придумал.

— Я не мог придумать ничего лучше. — Он отошёл к выходу. — Мать ищет тебя живую. Если узнает, что ты умерла — хотя бы для этого мира — она ослабит хватку. А северные кланы не пускают чужаков. Ты будешь в безопасности, пока я не вернусь с артефактом.

— Ты помирился с отцом?

Дариан замер. Не обернулся.

— Нет, — сказал он глухо. — Мы говорили через посредника. Гонца. Отец приказал мне найти артефакт. А я приказал ему не умирать до моего возвращения. Мы никогда не умели разговаривать иначе.

— Эрхард сказал, Дамиан передал письмо и деньги. И приказал ехать дальше от маршрута.

— Да. — Дариан наконец повернулся. — Потому что он любит тебя. По-настоящему. Не так, как привыкли любить во дворце — расчётливо, холодно. А так, от чего гибнут империи.

Я ничего не ответила.

— Переодевайся, — сказал он. — Я взял еды — хватит на неделю. Выходим через час.

Он вышел.

Я скинула грязное, прожжённое платье — то, в котором бежала из замка. Надела новое. Оно село почти идеально — служанка была чуть ниже ростом, но в полумраке и под плащом разница не заметна. Тёплое, чуть тяжеловатое, с длинными рукавами, которые закрывали ладони до половины. Мех на вороте щекотал подбородок.

Я подошла к куску отполированного камня — Дариан использовал его как зеркало. Посмотрела на себя.

Другая женщина смотрела из отражения. Не императрица. Не жена Дамиана. Не та, за кем охотится Лилиана.

Простая беглая служанка в платье лисы. Уставшая. Испуганная. Но живая.

Элли. Без прошлого, без титула, без страха перед завтрашним днём — потому что завтрашний день принадлежит только ей.

Я тронула письмо за пазухой. Оно грело.

— Я готова, — сказала я.

Дариан ждал снаружи. Эрхард уже затянул лямки на мешке с припасами — я видела краяхи хлеба, буженину, сушёные овощи, фляги.

— Запомни, — сказал принц, не глядя. — Ты не Элиана. Ты Элли. Твой брат — Грегор. Вы бежали с юга от жестокой госпожи. Про императорский двор ты ничего не знаешь. Императрицу не видела ни разу в жизни. Если спросят — просто пожимай плечами и говори, что тебе нет дела до тех, кто живёт во дворце.

— Я запомнила.

— Северяне грубы, но справедливы. Не пытайся им врать больше, чем нужно, — они чуют ложь. Но эту историю они примут. Таких, как ты, там много.

— А как же ты? — спросила я. — Что ты скажешь отцу? И матери?

Дариан посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я скажу отцу, что ты жива. И что я привезу артефакт. А матери... — он помолчал. — Матери я скажу, что ты сгорела в карете. Пусть думает, что победила.

Он посмотрел на небо. Звёзды высыпали на чёрную ткань, луны не было — только холодный, острый Млечный Путь.

— Пора. — Он повернулся к Эрхарду: — Выводи её, Грегор.

Капитан кивнул — без тени улыбки, принимая новое имя.

— А вы, ваше высочество?

— Я пойду другой дорогой. — Дариан взял меня за руку, сжал пальцы. Крепко, почти больно. — Ты справишься, Элли. Ты сильнее, чем думаешь.

— Ты вернёшься? — спросила я. — С артефактом?

— Я всегда возвращаюсь, — сказал он.

И отпустил.

Эрхард — Грегор — тронул меня за локоть:

— Идём, сестра.

Я сделала шаг. Второй. Третий.

Снег скрипел под сапогами. Лес стоял чёрный, безмолвный, и только где-то далеко, на востоке, ветер нёс тяжёлые тучи.

Я не обернулась.

Знала — Дариан стоит и смотрит мне вслед. Но если бы я обернулась — не смогла бы уйти.

Север ждал меня.

Тихие земли ждали его.

А буря, наконец, началась.

Глава 11. Ворон и Снежка

Снег под ногами не скрипел — он пел. Тонко, мерзко, как голодные крысы в подполе. Каждый шаг отдавался в большую лодыжку тупой иглой, но я не жаловалась. Элли не жалуется. Элли привыкла к побоям и холоду. Элли вбила себе в голову, что если она будет идти достаточно долго, то юг с его розгами и старым конюхом останется где-то за горизонтом навсегда.

Мы шли уже пятый час. Солнце давно перевалило за полдень и теперь висело низко, бледное, как старый ледяной глаз. Дариан ушёл на восток.

Теперь нас двое. Я и капитан, который отныне назывался Грегором. Мой брат, бежавший от жестокой госпожи, чьих побоев я не выдержала. История, которую мы придумали наспех, уже начинала обрастать плотью — каждый час пути вколачивал её в меня глубже, превращая из лжи в правду. Я почти верила, что меня и правда пороли. Что я спала на соломе. Что у меня никогда не было шёлка и золота.

Почти.

— Грегор, — позвала я, пробуя имя на вкус. Оно было твёрдым, как мозоль на ладони. — Сколько нам ещё идти до встречи с человеком Дариана?

— К вечеру дойдем, — ответил Эрхард, не сбавляя шага. — Он должен ждать нас у старой охотничьей заимки. Ворон. Так его зовут. Старый лесник. Он знает эти тропы лучше, чем любой зверь.

— Дариан ему доверяет?

— Дариан доверяет очень немногим. Ворон — один из них. — Капитан помолчал, перешагивая через поваленную берёзу, покрытую сизым лишайником. — Говорят, он помнит эту землю ещё до того, как здесь проложили имперские дороги. И до того, как Лилиана сожгла его дом.

Я споткнулась. Не от корня — от его слов.

— Она сожгла его дом?

— И жену. И дочь. — Эрхард шёл, не глядя на меня. Его голос звучал ровно, будто он рассказывал о погоде. — Это было тридцать лет назад. Ворон тогда был молодым, с женой и двумя детьми. Жили на западных склонах, в долине, где сейчас стоит вышка. Лилиана захотела построить на том месте башню для своих ритуалов. Ворон отказался уходить. Она пришла ночью. Дом сгорел дотла. От жены и дочери остался пепел. Сын выжил — он был в лесу, ловил рыбу. Его Ворон воспитал. А потом сын вырос и ушёл на юг. Сказал, что не хочет жить в тени мёртвых.

— И где он сейчас?

— Никто не знает. Ворон не говорит о нём. — Эрхард наконец повернулся ко мне. — У каждого из нас есть скелеты в шкафу, Элли. У тебя — тоже. Теперь и у меня.

Я хотела спросить о его скелетах, но передумала. Некоторые истории лучше не ворошить, пока сам не окажешься в их центре.

К ночи лес стал другим. Деревья — ниже, корявее, облепленные седым мхом, похожим на проказу. Стволы скрюченные, словно спины стариков, которые слишком долго кланялись ветру. Снег — глубже, рыхлее, проваливаешься по колено, а то и по пояс. В лицо летела ледяная крупа, и каждый вдох резал горло, как нож.

— Заимка за следующим холмом, — сказал Эрхард, когда я уже начала думать, что ноги меня не слушаются. — Вон, видишь дымок?

Я прищурилась. В серых сумерках, сливающихся с белизной, трудно было разглядеть что-то дальше собственной вытянутой руки. Но потом я заметила — тонкую, едва уловимую нить, поднимающуюся из низины. Дым. Жизнь.

Мы пошли на него, как мотыльки на пламя.

Изба оказалась меньше, чем я ожидала. Приткнулась к скале, как больной зверь к матери, — вся почерневшая от времени, с низкой дверью, в которую нужно было входить, согнувшись. Из трубы вился тот самый дымок, который я заметила издалека.

Эрхард постучал: три коротких, два длинных.

— Свои, — сказал он.

Тишина. Потом — шорох, звук отодвигаемого засова, и дверь отворилась.

На пороге стоял человек, которого я не разглядела бы в толпе, — и не потому, что он был неприметным. Просто он сам не хотел, чтобы его замечали. Низкий, широкий в кости, с лицом, изрытым оспинами и временем. Борода седая, косматая, глаза — два острых льда, цвета старого янтаря.

Он пах лесом. Не дровами и дымом, а живым, мокрым, древним лесом — грибами, прелыми листьями, звериными тропами, которые никто не ходит уже сто лет.

— Эрхард, — сказал он хрипло, как воронье карканье. — А я уж думал, не дождётесь.

— Здравствуй, Ворон.

— Это она? — Лесник перевёл взгляд на меня. Долго, в упор, пока я не почувствовала, что он смотрит не на лицо — сквозь него. Внутрь. Туда, где прячутся страхи и недоговорённости.

Глаз у него не было. То есть были, конечно, но не те, которыми смотрят люди. Этими глазами смотрят звери, когда решают — рвать глотку или пройти мимо.

Я выдержала его взгляд. Элли не боится старых лесников. Элли видала и не такое.

— Она, — ответил Эрхард. — Звать Элли.

— Элли, значит. — Ворон усмехнулся в бороду. Усмешка вышла кривой, обнажив жёлтые, сточенные зубы. — Проходите, Элли. Ужин почти готов. Только не споткнись о порог — он здесь у меня высокий. Для того, кто незван, ноги ломать.

Внутри избы было тесно, но тепло. Пахло сушёными травами — можжевельником, зверобоем, чем-то горьким, вроде полыни. Над печкой висели пучки кореньев и заячьи шкурки. В углу, на охапке сена, лежала старая собака — лысая, беззубая, с мутными глазами. Она не гавкнула, даже не подняла головы. Только скосила зрачки в нашу сторону и снова закрыла их.

— Это Снежка, — сказал Ворон, заметив мой взгляд. — Она старая, как эта гора. Но чует лучше любой ищейки. Если Снежка не встала — значит, вы не враги.

Я кивнула, не зная, что ответить.

Ворон молча разлил по глиняным мискам варево — густое, с вяленным мясом, диким чесноком и кореньями, которые я не смогла бы назвать даже под пыткой. Поставил передо мной.

— Ешь, — сказал. — Завтра пойдём дальше. Там, на севере, еда дороже золота.

Я взяла ложку. Деревянную, грубую, с заусенцами. Суп обжигал рот, но я ела жадно, обжигаясь, не чувствуя вкуса. Элли не привередничает. Элли ест, чтобы идти.

— Вы поведёте нас? — спросила я, когда в миске не осталось ничего, кроме нескольких кусочков жира.

— Я доведу до деревни Карима. Дальше — Хельга. Её сын Бьёрн пойдёт с тобой к границе. — Он сел напротив, отхлебнул из кружки кислого молока. Утёр бороду рукавом. — Эрхард, ты говорил, что она не должна говорить, кто она есть на самом деле?

— Знает, — ответил капитан.

— А знает ли особа, что мы все можем сдохнуть, если она ошибётся хоть раз?

Я отложила ложку. Шумно выдохнула.

— Знаю, — сказала я. — Поэтому я не ошибусь.

Ворон посмотрел на меня. Долго, так долго, что я услышала, как в печке прогорает уголёк и падает в золу с тихим стоном.

— Может быть, — сказал он наконец. — Может быть, не ошибёшься.

Он поднялся, взял со стола мою миску, отнёс к лохани. Зачерпнул воды из ведра, бросил туда ложки.

— А теперь спать. Завтра рано вставать. Снег к утру обещают сильный — нужно успеть до него.

— А вы? — спросила я. — Вы не спите?

— Посижу у печи. — Он не обернулся. — Мне немного осталось. Успею выспаться в земле.

Я легла на шкуры, которые Ворон бросил на пол у стены. Эрхард устроился рядом, на расстоянии вытянутой руки. Меч положил под голову — даже здесь, в доме старого лесника, он не расставался с оружием.

Я лежала с открытыми глазами, глядя в потолок — чёрные брёвна, между которыми пробивался красноватый отсвет печи. Где-то в углах скреблись мыши. Собака по имени Снежка поспыпывала во сне, иногда подёргивая лапами — бежала за кем-то.

— Не спится? — голос Эрхарда, тихий, почти неразличимый.

— Нет.

— Думаешь о нём?

Я не стала спрашивать, о ком. Он знал.

— Да. — Я помолчала. — И о том, что будет, если он не успеет.

— Успеет. — В голосе капитана не было сомнений. — Дамиан не из тех, кто опаздывает.

— А если Лилиана узнает? Если она...

— Если она узнает, мы придумаем что-то ещё. — Он повернулся на бок, лицом ко мне. В полумраке я видела его профиль — жёсткий, как обломок скалы. — Я служу императору двадцать лет. За это время мы проигрывали битвы, теряли земли, хоронили друзей. Но никогда не проигрывали войну. Потому что он умеет ждать. И выжидать. И наносить удар, когда никто не ждёт.

— Ты веришь в него.

— Я верю в него больше, чем в бога. — Эрхард усмехнулся. — Боги молчат. А он говорит. И делает.

Я закрыла глаза.

Сквозь стену слышалось тихое бормотание Ворона. Он разговаривал с печью. Или с самим собой. Или с теми, кого давно уже не было.

— ...спите, спите, — донёсся до меня его шёпот. — Завтра трудный день.

В кармане под платьем лежало письмо Дамиана. Я достала его в темноте, прижала к губам. Бумага была мягкой, уже замусоленной от частого перечитывания.

«Я приеду. Скоро. Как только смогу. Дождись меня.»

Я ждала.

За стенами выл ветер, пересыпая снег с места на место, замечая наши следы. Где-то на юге, в тронном зале, Лилиана смеялась тонким, колокольчиковым смехом и тянула свои белые пальцы к горлу императора.

«Ты проиграл, — шептала она. — Проиграл».

Но я знала: он ещё боролся. Ради меня. Ради империи. Ради того самого огонька, который мы оба отказывались задуть.

Я убрала письмо, повернулась на другой бок.

Снег за окном тихо падал, укутывая избу в белую тишину. Снежка заворочалась, вздохнула и снова затихла.

Утром нас разбудил Ворон. Он уже стоял у порога, одетый, с мешком за плечами.

— Вставайте, — сказал он. — Снег идёт. Нужно уйти до того, как засыплет тропу.

Я села, потёрла лицо. Глаза слипались, тело ломило, но Элли не жалуется.

— Сколько до деревни? — спросил Эрхард, натягивая сапоги.

— Часов восемь. Если не провалимся в сугробах. — Ворон открыл дверь. Внутри ворвался клуб морозного пара и колючей снежной крупы. — Идём.

Мы вышли. Снег бил в лицо. Изба осталась позади — чёрная, низкая, с дымом, который ветром тут же разрывало в клочья.

— Ворон, — позвала я, когда мы прошли уже с полсотни шагов.

Лесник обернулся.

— Спасибо, — сказала я. — За ночлег. И за то, что не спросили лишнего.

Он посмотрел на меня. Глаза цвета старого янтаря — спокойные, как ледяная гладь.

— Не за что, — сказал он. — Добро не помнят. Зло — тоже. Иди, Элли. Север ждёт.

Он развернулся и зашагал вперёд, ломая тропу.

Я пошла за ним.

Эрхард — за мной, след в след, чтобы я не утонула в сугробе.

Север ждал.

А буря, затаившаяся за горизонтом, набирала силу.

Глава 12. Деревня Карима

К полудню снег перестал. Небо оставалось серым, низким, набухшим, как старая рана, но ветер утих, и в наступившей тишине лес зазвучал иначе — глухо, настороженно, будто принюхивался к нам. Где-то стучал дятел, где-то трещала сорока, но эти звуки не нарушали безмолвия, а только подчёркивали его, как трещины на старом льду подчёркивают, как он тонок.

Ворон шёл впереди, не оглядываясь. Он двигался так, словно не шёл, а плыл — бесшумно, плавно, не оставляя в снегу глубоких следов. Я смотрела на его спину, обтянутую дражным тулупом, и думала о том, сколько таких дорог он отмерил за свою жизнь. Сколько раз вставал затемно, сколько раз ложился на голую землю, сколько раз смотрел в глаза смерти и не моргал.

— Ворон, — сказала я, когда мы остановились у замёрзшего ручья. Тот был скован льдом, но под ним что-то булькало и стонало — вода прорывалась где-то в расщелинах, как зверь, попавший в капкан. — Почему вы согласились нам помочь?

— Потому что Дариан попросил, — ответил лесник, не оборачиваясь. Он опустил на корточки, пощупал лёд кинжалом, покачал головой. — Пойдём в обход. Здесь не выдержит.

— А если бы не Дариан?

— Тогда бы вы шли одни, Элли. — Он поднялся, отряхнул колени. — Я никому не обязан. Ни империи, ни короне. Я обязан только себе и этой земле. — Он кивнул на лес, на горы, на серое небо. — А эта земля не любит чужаков. Но она уважает тех, кто платит ей правдой.

— Я плачу правдой?

Ворон посмотрел на меня долгим взглядом.

— Пока — нет. Но ты учишься. И это главное.

К вечеру лес расступился. Мы вышли на широкий взлобок, с которого открывалась долина — замёрзшая, белая, с редкими тёмными пятнами домов. Деревня Карима.

Она не походила на южные поселения. Там дома жались друг к другу, будто боялись одиночества. Здесь — стояли порознь, на расстоянии вытянутой стрелы, каждый сам за себя. Ни заборов, ни калиток. Только дымок над крышами да узкие тропинки, протоптанные в снегу.

На въезде торчали два обгоревших столба с черепами волков — старыми, выбеленными ветрами. Северяне не ставили идолов, не вешали оберегов. Они просто показывали чужакам, что здесь граница. Дальше — их земля. И законы здесь пишут не императорские писцы, а те, кто умеет держать топор.

Ворон пошёл к крайней избе — самой большой, с резными коньками на крыше и широкими ставнями, расписанными рунами, смысла которых я не понимала.

— Это дом старосты, — сказал лесник. — Карим — человек жёсткий, но справедливый. Не ври ему. Он чует ложь за версту.

Он постучал — три глухих удара, потом пауза, потом ещё два.

— Карим, открывай. Свои.

Дверь отворилась, и на пороге появился человек, которого я не могла бы представить иначе. Высокий, широкий в плечах, с бритой головой и рыжей бородой, заплетённой в три тугие косы. Глаза — светлые, почти прозрачные, как вода в горном ручье. На левой щеке — глубокий шрам, который стягивал кожу к углу рта, отчего староста казался постоянно усмехающимся. Но усмешка эта была невесёлой.

— Ворон, — сказал он. — А я уж думал, ты замёрз в лесу.

— Нет, Карим. Замёрзнуть я всегда успею.

Староста перевёл взгляд на меня. Потом на Эрхарда.

— Кто это?

— Племянники. Мои. С юга. — Ворон шагнул внутрь, пропуская нас. — У госпожи сбежали. Невесть какая.

— Племянники? — Карим поднял бровь. Рыжая коса при этом качнулась, как змея. — А я и не знал, что у тебя есть родня.

— Была. — Ворон скинул мешок на лавку. — Померла. А дети остались. Теперь моя забота.

Карим хмыкнул. Подошёл к Эрхарду, остановился в двух шагах. Не спросил — просто ждал.

Капитан выдержал взгляд.

— Бывший солдат, — сказал он. — Двадцать лет. Теперь ничего не значу.

— Ничего не значущие не носят такое оружие, — заметил Карим, кивнув на меч. — И не смотрят так, будто могут убить троих одним ударом.

— Это привычка.

— Плохая привычка. Здесь она тебе не понадобится. — Староста повернулся ко мне. — А эта тоже боевая?

— Нет. — Я не опустила глаз. — Просто служанка. Беглая.

— От кого?

— От госпожи, которая порбля меня за то, что я дышу не так. И хотела выдать за старого конюха, чтобы избавиться.

Карим взял меня за подбородок, повернул к свету — так же, как тогда Эрхард. Но его пальцы были твёрже. Смотрел долго, прищурившись. Потом отпустил.

— Кожа тонкая, — сказал он. — И руки не знают работы. Твоя госпожа кормила тебя сливками и заставляла молиться?

— Она заставляла меня подавать ей фрукты, — ответила я ровно. — Она хотела, чтобы я была красивой. Чтобы конюх захотел на мне жениться.

— Конюх? Старый?

— Старый.

— И ты сбежала.

— Да.

— С братом-солдатом, который служил двадцать лет и вдруг решил, что ему некому больше служить?

— Да.

Карим молчал. В избе было тихо — только угли потрескивали да где-то за стеной скреблась мышь.

— Ворон, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Зачем ты привёл их ко мне?

— Чтобы ты дал им ночлег и еду. А завтра проводил до крепости.

— До крепости Хельги?

— До неё.

Староста почесал затылок. Косы зашевелились.

— Хельга не любит чужаков, — сказал он. — Она и меня не любит. Что ей твои племянники?

— Хельга делает то, что нужно. — Ворон говорил спокойно, но в голосе прорезалась сталь. — А сейчас нужно, чтобы эти двое дошли до границы.

— До границы? — Карим присвистнул. — Зачем им граница?

— Затем, что там их ждут.

Староста снова посмотрел на меня. Долго. Так долго, что я успела сосчитать шрамы на его руках — семь, не считая мелких.

— Ладно, — сказал он. — Переночуете. Завтра посмотрим. — Он шагнул к двери, остановился. — Только без глупостей. У меня в деревне дети.

— Какие глупости? — спросил Эрхард.

— Например, твои руки. — Карим кивнул на карманы капитана. — Держи их там. И не вынимай.

Он вышел. Дверь за ним захлопнулась, оставив в воздухе морозный парок и запах волчьей шкуры.

Хозяйкой в доме оказалась женщина — не жена Карима, как я подумала сначала, а его сестра. Седые волосы заплетены в тугую косу, лицо жёсткое, как старая кора, руки в трещинах и ссадинах. Звали её Сигрун.

Она не улыбалась, не здоровалась. Просто бросила на стол три миски, разлила похлёбку из котла, что висел над очагом, и села в угол, на табуретку с треснувшей ножкой.

— Ешьте, — сказала она. — Кто не ест, тот не идёт.

Голос у неё оказался низким, почти мужским.

Я взяла ложку. Похлёбка была жидкой, с кусками вяленого мяса и чем-то горьким — может, кореньями, может, травой, которую южане называли бы сорняком. Но горячей. Я ела молча, как и все.

— Сигрун, — сказала я, когда тарелка опустела. — Вы давно живёте здесь?

— Всю жизнь, — ответила она, не глядя.

— А на юге были?

— Ни разу. И не хочу.

— Почему?

Она подняла глаза. Тёмные, почти чёрные, с красными прожилками — воспалённые от дыма и бессонницы.

— Потому что юг гниёт, — сказала она. — Я чую его запах даже отсюда. Запах лжи, золота и крови. Не надо мне вашего юга. Здесь, по крайней мере, знаешь, кто тебя убьёт — мороз или голод. А там... — она сплюнула в очаг, — там убивают свои же.

Эрхард молчал. Я — тоже. Потому что возразить было нечего.

Ночью я лежала на шкурах у стены, глядя в потолок. Где-то за дверью были собаки — или ветер. Я уже не различала.

— Не спишь? — голос Эрхарда был тихим, почти неразличимым.

— Нет.

— Боишься завтрашнего дня?

— Боюсь, — призналась я. — Но не завтрашнего. А того, что будет после.

— После — будет портал. Или смерть. — Говорил он спокойно, будто перечислял варианты. — Другого не дано.

— Ты всегда такой циничный?

— Я всегда такой, какой есть. — Он помолчал. — Двадцать лет войны учат одному: надежда — это роскошь. Трать её только на то, что действительно важно.

— А что важно?

— Жизнь, — сказал он. — И те, кого ты любишь. Всё остальное — дым.

Я хотела спросить, любит ли он кого-то. Но не стала. У старого солдата, который двадцать лет носит императорскую печать на руке, такой вопрос может быть опаснее ножа.

Утром пришёл Карим. Без стука — просто открыл дверь, впуская клуб морозного пара.

— Собирайтесь, — сказал он. — Провожу вас до крепости.

— Я сам, — попробовал возразить Ворон.

— Нет. — Карим покачал головой. — Ты старый, Ворон. Твоя дорога кончилась. Дальше — моя.

Лесник хотел что-то сказать, но передумал. Только сплюнул в угол и отвернулся к стене.

Мы вышли. Снег под ногами больше не пел — он заскрипел зло, с хрустом, будто жаловался на нашу тяжесть. Карим шёл впереди, широкий, как скала, закутанный в медвежью шкуру. На поясе у него висел топор с длинной рукоятью — не для рубки дров, я сразу поняла. Для другого.

— Карим, — позвала я. — Что вы знаете о Хельге?

— Достаточно, — ответил он, не оборачиваясь. — Не суйся к ней с расспросами. Она не любит болтунов.

— А что она любит?

— Дело. Если ты нужна делу, она тебя защитит. Если нет — выкинет в снег. — Он помолчал. — У неё сын, Бьёрн. Молодой, горячий. Смотрит на всех чужаков как на врагов. Не обижайся, если он на тебя рявкнет. Он на всех рявкает.

— А его отец?

— Мёртв. — Карим перешагнул через упавшую берёзу. — Погиб на охоте. Зимой, как сейчас. Медведь. Бьёрну тогда было десять. Он сам вытащил тело из леса. Четыре вёрст тащил по снегу. После этого никто не называл его мальчиком.

Я замолчала. На севере каждый человек был историей. И каждая история была о том, как кто-то выжил или не выжил. Третьего не дано.

К полудню пошёл снег. Не мелкий, как вчера, а тяжёлый, мокрый, липнущий к лицу и рукам. Карим ускорил шаг — я едва поспевала, проваливаясь в сугробах почти по пояс.

— Долго ещё? — крикнул Эрхард.

— Час, — ответил староста. — Или два. Или никогда, если ты заткнёшься.

Капитан заткнулся.

Я жала зубы и шла. Снег лепил глаза, забивался под воротник, таял на груди ледяной водой. Платье лисы, которое Дариан так хвалил, промокло насквозь и теперь весило как кольчуга.

— Не останавливайся, — бросил Карим. — Остановишься — не встанешь.

Я не останавливалась.

Крепость возникла из снежной пелены как призрак — чёрные стены, зубчатые башни без окон, ворота, забитые досками. Но дымок над крышей всё же вился — значит, внутри были люди.

Карим подошёл к калитке, постучал топором. Коротко — два удара. Потом ещё три. Потом снова два.

За воротами послышались шаги. Лязгнул засов.

Калитка открылась, и на пороге стояла женщина, которую я сразу узнала — хотя видела впервые. Высокая, под два метра, с косой, уложенной вокруг головы как корона. Лицо грубое, сломанное — нос когда-то был сломан и сросся криво, губы тонкие, брови густые, сросшиеся на переносице. Но глаза — зелёные, как северное сияние, — смотрели спокойно, без угрозы. И без тепла.

— Карим, — сказала она. — Ты привёл их.

— Привёл, Хельга. — Староста отступил, пропуская меня вперёд. — Это Элли. А это её брат, Грегор. Ворон просил передать дальше.

Хельга посмотрела на меня. Долго. Потом перевела взгляд на Эрхарда.

— Солдат, — сказала она. — Я чую. Бывший?

— Бывший.

— Здесь все бывшие. — Она отступила в сторону. — Заходите. Бьёрн накормит вас. Завтра поговорим.

Мы шагнули внутрь.

Ворота за нами закрылись с глухим, окончательным стуком.

Глава 13. Крепость Хельги

Внутри крепость оказалась больше, чем казалась снаружи. Стены из чёрного камня уходили вверх на три человеческих роста, двор был вымощен булыжником, присыпанным снегом. В углу дымилась кузница — кто-то размеренно бил молотом по наковальне, и звон металла разлетался по двору, отражаясь от стен.

Хельга шла впереди, не оглядываясь. На ней был кожаный фартук, испачканный чем-то тёмным — может, кровью, может, маслом. Рукава рубахи закатаны до локтей, открывая мускулистые, жилистые руки, покрытые старыми шрамами.

— Бьёрн! — крикнула она, не оборачиваясь. — Выходи, гости.

Из кузницы вышел парень. Лет двадцати, не старше. Такой же высокий, как мать, но тоньше, ещё не набравший той медвежьей силы, которой дышала Хельга. Волосы светлые, почти белые, стянуты в хвост на затылке. Глаза — такие же зелёные, но мягче. Он вытер руки о тряпку, подошёл ближе.

— Это Элли, — сказала Хельга. — И её брат Грегор. Накорми их. Завтра Бьёрн пойдёт с вами к границе.

Парень кивнул, жестом приглашая следовать за ним.

Внутренний зал крепости был низким, сводчатым, с длинным очагом в центре. Дым уходил в отверстие в потолке, но часть его оставалась висеть под потолком, сизыми клубами. Вдоль стен — грубые скамьи, сколоченные из неструганых досок. На одной из них лежали овечьи шкуры.

— Садитесь, — сказал Бьёрн, кивнув на скамьи. — Сейчас принесу.

Он ушёл в боковой проход, и я осталась с Эрхардом в одиночестве. Капитан обвёл взглядом зал, прикидывая — я это заметила — сколько человек может войти, где поставить лучников, куда отступать. Привычка, которой не отучишь.

— Расслабься, — сказала я тихо. — Мы здесь не в бою.

— Мы везде в бою, — ответил он так же тихо. — Просто не всегда знаем, где враг.

Бьёрн вернулся с мисками — похлёбка, хлеб, кружка кислого молока. Поставил на стол, сам сел напротив.

— Ешьте, — сказал он. — Мать не любит, когда гости тощие. Говорит, позор для крепости.

Я взяла ложку. Похлёбка была густой, с мясом, с диким чесноком. Северяне ели просто, но сытно — здесь не умели готовить из пустоты.

— Бьёрн, — сказала я. — Ты ходил к границе раньше?

— Много раз, — ответил он. — Отец учил меня этим тропам. До того как умер.

— Карим сказал, медведь.

Парень посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то — может, боль, может, злость.

— Медведь, — подтвердил он. — Старый, раненый. Отец думал, что справится. Не справился. — Он помолчал, потом отодвинул пустую миску. — Дорога к границе длинная. Через перевал, потом через Замёрзшее озеро. Там не живут даже звери. Вам придётся идти быстро и молча.

— Мы умеем молчать, — сказал Эрхард.

— Посмотрим.

Ночью меня разбудил шум. За стеной кто-то спорил — голоса были низкими, злыми. Я приподнялась на локте, прислушалась.

— ...не надо было их пускать, — говорил мужской голос, незнакомый. — Мы не знаем, кто они.

— Ворон поручился, — это Хельга, спокойно, как о погоде.

— Ворон стар. Может, его уже купили.

— Ворона не купить. — Голос Хельги стал твёрже. — Я знаю его тридцать лет. Если он сказал — значит, надо.

— А если он ошибся?

— Значит, я убью их сама. — Пауза. — Но сначала — тебя, за то, что усомнился в моём решении.

Шаги. Дверь хлопнула. Тишина.

Я лежала, глядя в потолок. Эрхард спал — или притворялся. Я не стала его будить.

Утром Хельга ждала нас во дворе. Одета так же — кожаный фартук, закатанные рукава. Топор за поясом.

— Бьёрн поведёт вас через перевал, — сказала она. — Дальше — сами. В Тихих землях вас встретят. Не знаю кто, не хочу знать. — Она посмотрела на меня. — Ты слабая, Элли. Я это вижу. Но глаза у тебя сильные. Это важнее.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что. — Она повернулась к Эрхарду. — Солдат, береги её. Если умрёт — я приду за тобой. Даже в столицу.

— Я не сомневаюсь, — ответил капитан.

Хельга кивнула, развернулась и ушла в кузницу, не прощаясь.

Бьёрн перекинул через плечо мешок.

— Идём, — сказал он. — До темноты нужно уйти на два перехода.

Мы вышли за ворота. Снег скрипел. Небо было чистым, холодным, без единого облака.

— Буря придёт, — сказал Бьёрн, глядя наверх.

— Откуда знаешь? — спросила я.

— Небо бледное. Ветер стих. Звери спрятались. — Он перевёл взгляд на меня. — Такая тишина бывает только перед самым страшным.

Я ничего не ответила.

Мы шли на север.

А тишина сгущалась.

Глава 14. Ярга

Перевал взяли к полудню. Бьёрн вёл нас по гребню, где ветер сдул почти весь снег, обнажив голый камень — серый, скользкий, с прожилками кварца. Дышать становилось всё труднее: воздух здесь был тонким, холодным, он не заполнял лёгкие, а резал их изнутри. Лодыжка ныла, спина затекла, пальцы в промокших рукавицах почти не гнулись.

Элли не жалуется.

— Отдых, — бросил Бьёрн, останавливаясь у огромного валуна.

Эрхард опустился на камень, вытянул ноги. Я села рядом, прислонилась к холодному граниту.

— Сколько ещё до Ярги? — спросил капитан.

— Часа три, если не сбавим шаг, — ответил Бьёрн, вглядываясь в долину внизу. — Деревня называется Ярга.

— Кто там живёт? — спросила я.

— Вольные охотники. — Он сплюнул в снег. — Народ суровый. Императорскую корону ненавидят, чужаков не любят. Если узнают, кто вы, — убьют. И меня заодно.

— Не узнают, — сказал Эрхард.

— Надеюсь, — ответил Бьёрн и зашагал дальше.

Ярга открылась внезапно — за очередным поворотом тропы. Три десятка изб, разбросанных по склону холма. Вокруг — частокол из заострённых брёвен, почерневших от времени. На воротах — три волчьих черепа. Выбеленные, чистые.

У ворот стояли двое. Мужчина и женщина — оба в грубых меховых тулупах, с ножами на поясах и короткими копьями в руках. Лица обветренные, глаза холодные.

— Бьёрн, — сказал мужчина. — Кого привёл?

— Беглых с юга, — ответил проводник. — Грегор и Элли. Сестра и брат.

— Беглых? — женщина усмехнулась. — От кого?

— От госпожи, — сказал Эрхард. — Сестру замуж хотели выдать. За старого конюха. Она отказалась — её бить начали. Я вступился. Решили — валить. И свалили.

— Далеко же вас занесло, — сказал мужчина.

— Подальше, чтобы не нашли, — ответил Эрхард. — Работы не боимся. Есть готовы всё, что дадите.

Мужчина и женщина переглянулись.

— Гуннар решит, — сказала женщина и ушла в деревню.

Дом Гуннара стоял в центре деревни — самый большой, с самой высокой трубой. Внутри темно и тесно. Печь занимала половину избы. Вокруг — лавки, стол, полки с горшками. Пахло дымом, сушёной рыбой и старой кожей.

Гуннар сидел у печи. Старый, коренастый, с седой бородой, заплетённой в тугую косу. Один глаз белый и слепой, второй — чёрный и острый. В руках — нож и деревяшка. Строгал, не поднимая головы.

— Бьёрн, — сказал он. — Я тебя уважаю. Твоего отца уважал. Но если ты привёл сюда ищеек — я убью всех троих. Закапаю в лесу.

— Свои, Гуннар, — ответил Бьёрн. — Беглые. Грегор и Элли.

— Беглые? — Староста поднял голову. Посмотрел на Эрхарда. — От кого беглые?

— От госпожи, — ответил капитан. — Она хотела выдать сестру замуж. За дохлого старика. Конюха.

Гуннар усмехнулся.

— Замуж? А девка-то что?

— Я отказалась, — сказала я. — Тогда она начала меня пороть. Каждый день. За любой проступок. А если проступка не было — находила.

— И долго так жили?

— Два года, — ответила я и опустила глаза. Голос дрогнул, но я сдержалась. — Брат работал у неё кучером. Видел, что со мной делают. Терпел, терпел — а потом сказал: хватит. Собрались ночью и ушли.

— Собрались? — Гуннар прищурился. — Среди ночи?

— Да, — сказал Эрхард. — Взяли тёплые вещи, нож, немного еды. Пока госпожа спала.

— Не боялись, что догонят?

— Боялись, — признался он. — Но выбора не было.

Гуннар помолчал. Строгал деревяшку. Строгал долго. В избе было тихо — только нож скреб по дереву.

— Руки покажи, — велел он мне.

Я протянула ладони. Грязные, замёрзшие, с ободранными костяшками. Но гладкие. Без мозолей.

— Горничная, — сказал Гуннар.

— Личная, — ответила я. — Госпожа любила, чтобы я подавала завтрак и причёсывала. Розгами была, но работой не загружала.

— А рубцы где? — спросил Гуннар. — Если тебя два года пороли, должны быть следы.

Я опустила глаза. Помолчала. Потом закатала рукав — на белой коже ни шрама. Повернулась, подняла волосы, открывая шею. Тоже чисто.

— Были, — сказала я тихо. — Зажили.

— Как это — зажили? — Гуннар усмехнулся. — От розог рубцы не заживают.

Эрхард шагнул вперёд.

— В Извельнском лесу набрели на старуху, — сказал он. — Она дала мазь. Чудо-мазь. Раны затягивает, рубцов не оставляет.

Гуннар смотрел на него долго. Потом перевёл взгляд на меня.

— В Извельнском лесу никто не живёт, — сказал он спокойно. — Там волки и пустота.

— Мы видели то, что видели, — сказал Эрхард.

— Врёшь, — сказал Гуннар без злобы. — Но складно врёшь. Видать, вам и правда нечего терять.

Он отложил нож. Тяжело поднялся, опираясь на клюку. Подошёл к Эрхарду вплотную.

— Я не знаю, кто вы. И знать не хочу. Но я вижу, что вы в трудном положении. И не хотите рассказывать о себе. Это ваше дело.

Он повернулся ко мне.

— Для народа вы будете беглыми слугами. Я помогу вам. Кров, еда, работа.

Его голос стал тише, но тяжелее.

— Но запомните правила.

Он поднял один палец.

— Работаете — ешь. Не работаете — на корм волкам.

Второй палец.

— Соврёте мне ещё раз — убью. Не выгоню — убью. И закопаю в лесу.

Третий палец.

— Украдёте — руки отрублю.

Четвёртый палец.

— Начнёте сплетничать — язык вырву.

Он опустил руку.

— Правила простые. Поняли?

— Поняли, — сказала я.

— Поняли, — сказал Эрхард.

Гуннар кивнул.

— Жить будете в кузнице. Спать на полу. Завтра чуть свет — на работу. Грегор — дрова колоть, лёд рубить, скотину чистить. Элли — на кухню к Сигрун.

— Кто такая Сигрун? — спросила я.

— Баба, которая вас в оборот возьмёт, — усмехнулся Гуннар. — Она злая, усталая и голодная. Но справедливая. Нойте при ней — прибьёт. Просите пощады — выгонит. Просто работайте.

Он махнул рукой.

— Бьёрн, проводи их. И скажи Сигрун, чтобы накормила.

Кузница стояла на отшибе, у самой стены. Маленькая, каменная, с печью посередине и наковальней в углу. Пахло углём и гарью. Вокруг — молоты, клещи, обрезки железа.

— Спать будете там, — Бьёрн кивнул на охапку соломы за печкой, прикрытую овечьими шкурами.

— Это всё? — спросила я.

— А чего тебе ещё? — усмехнулся он. — Перины? Ты на севере, милая. Тут выживают, а не прохлаждаются.

— Я не жалуюсь, — сказала я.

— Молодец. — Он помолчал. — Гуннар сказал правду. Он убьёт, если соvrёте. Я видел. Два года назад пришли двое. Назвались купцами. Оказалось — ищейки императорские. Гуннар зарезал их обоих на рассвете. Тихо. Без крика.

— Почему ты нам это рассказываешь? — спросил Эрхард.

— Потому что вы не похожи на ищеек, — ответил Бьёрн. — И потому что вы понравились моему отцу. А отец редко ошибался.

— Твой отец нас даже не видел, — сказала я.

— Видел, — ответил Бьёрн. — Он смотрел из леса, когда вы шли. Сказал: «Эти — настоящие. Им можно верить». — Он усмехнулся. — Старый дурак. Ладно. Спите. Завтра рано вставать.

Он ушёл.

Я села на солому. Эрхард опустился рядом.

— Никто не поверил нам, — сказала я.

— Гуннар не поверил, — поправил он. — Бьёрн — поверил. Его отец — поверил.

— Достаточно?

— Достаточно. — Он положил меч под голову. — Спи, Элли. Завтра мы начинаем новую жизнь.

Я легла на солому, накрылась шкурой.

Сквозь щели в стенах пробивался свет звёзд. Холодный, чужой.

Север был жесток. Север не доверял чужакам. Север требовал работы и терпения.

Но Север давал шанс.

Я закрыла глаза.

Завтра — первый день новой жизни. Элли, беглая служанка. Грегор, её брат. И никому нет дела до того, кем мы были раньше.

Здесь важны только дела. Работаешь — живёшь.

Я буду работать.

Глава 15. Разоблачение

Сигрун оказалась именно такой, как обещал Гуннар. Злая, усталая и голодная.

Она встретила меня на кухне — в прокуренном закутке с низким потолком и закопчёнными стенами. Огромная, грузная баба с седыми космами, выбившимися из-под платка. Лицо в рытвинах оспы, нос картошкой, руки красные, опухшие от постоянной работы с горячим.

— Так это ты, беглая, — сказала она, не здороваясь. — Голодная?

— Немного, — ответила я.

— Немного? — Сигрун усмехнулась. — Ты худая, как жердь. Деревенские бабы за версту чужую чуют. Будут шептаться, сплетничать. А Гуннар сказал: за сплетни — язык вырвать. Мне же его потом вырывать. Некогда мне.

— Я не буду сплетничать, — сказала я.

— Будешь, — отрезала Сигрун. — Но быстро пройдёт. Работы много, языку некогда будет.

Она сунула мне в руки огромный чугунок.

— Воды принеси. Два ведра. Заодно проверим, насколько ты дохлая.

Воду таскала до обеда. Ведра были тяжёлыми, коромысло впивалось в плечо. Лёд на реке приходилось рубить пешней — Сигрун показала, как, и смотрела, не мешая. Руки быстро стёрла в кровь, но не жаловалась. Элли не жалуется.

К полудню вернулся Грегор — красный, потный, с мокрой спиной.

— Дрова, — сказал он кратко. — Поленицу сложили.

— Молодцы, — сказала Сигрун, даже не глядя. — Теперь Грегор — на конюшню. Навоз убрать. А ты, Элли, картошку чисти.

Картошки было много. Целое ведро. Я чистила тупым ножом, срезая кожуру толстыми ломтями — дома это делали слуги, я только наблюдала. Сигрун стояла над душой, молчала.

— Так и знала, — сказала она наконец. — Руки не приспособлены. Горничная, а картошку чистить не умеет.

— Научусь, — сказала я.

— Научишься, — согласилась она. — Или с голоду умрёшь.

Я чистила дальше. Пальцы саднили, нож скользил в потной ладони. Картошка то и дело выскальзывала из рук, шлёпалась на пол, и Сигрун вздыхала всё тяжелее.

Картошка кончилась к вечеру. Сигрун осмотрела мою работу — кожа толстая, мякоти много срезано, но терпимо.

— Ладно, — сказала она. — Сойдёт для первого раза. А теперь — будешь обед готовить.

Я подняла голову.

— Обед? На всех?

— На всех, — усмехнулась Сигрун. — Охотники вернутся через час. Я устала как собака. Ты молодая. Покажи, чему тебя госпожа учила.

Я подошла к печи. Чугунок, вода, картошка, лук, вяленое мясо. Обычная похлёбка — то, что едят здесь каждый день.

Но я вспомнила кое-что другое.

Давно, во дворце, когда я была ещё невестой Дамиана, старый повар показывал мне блюда, которые любил император. Одно из них — уха по-аурелиански. Рецепт из старой книги, найденной в императорской библиотеке. Её не готовили при дворе уже лет пятьдесят — забыли.

Я тогда попробовала запомнить. Кажется, получилось.

— Сигрун, — спросила я. — У вас есть сушёный укроп? Душица? Чеснок? И немного корня петрушки?

Сигрун подняла бровь.

— Есть. А зачем тебе?

— Сделаю уху. По-особенному.

— По-особенному? — Сигрун усмехнулась. — Ладно, давай. Посмотрим, что за особенности у беглой служанки.

Я взялась за дело.

Рыбу почистила уже быстрее — наловчилась. Залила водой, поставила на огонь. Добавила лук, соль, корень петрушки. Когда вода закипела, бросила горсть сушёного укропа. Потом — душицу. Потом — чеснок, мелко порубленный. В конце — маленькую щепотку чего-то, что Сигрун назвала «медовая трава». Я не знала, что это, но запах был знакомый — сладковатый, пряный.

Сигрун стояла рядом, молчала. Только нюхала.

— Пахнет хорошо, — сказала она наконец.

— Я надеюсь, — ответила я.

К вечеру пришли охотники. Пять мужиков в меховых тулупах, с ружьями и ножами, грязные, потные, голодные. С ними — Гуннар. Он сел в угол, оперся на клюку, не проронил ни слова.

Сигрун засуетилась, ставя на стол большие миски. Обычную похлёбку — в одной. Мою уху — в другой. Ржаной хлеб — на доске.

— Ешьте, — сказала она. — Сегодня у нас две похлёбки. Обычная и... особая. Элли делала.

Мужики хмыкнули, покосились на меня. Взялись за ложки.

Сначала попробовали обычную — просто, привычно, без восторгов. Потом — мою.

Рыжий мужик, которого звали Видар, отставил ложку.

— Что это? — спросил он.

— Уха, — ответила я.

— Я знаю, что уха. — Он облизнулся. — Но такой я никогда не ел. Откуда ты знаешь такой рецепт?

Я опустила глаза.

— Госпожа учила.

— Госпожа? — усмехнулся другой. — У твоей госпожи, видать, повара из императорского дворца были.

— Не знаю, — тихо сказала я. — Может быть.

Гуннар попробовал. Отставил ложку. Посмотрел на меня.

— Вкусно, — сказал он. — Я такого не ел с тех пор, как был в столице, лет двадцать назад. Нас тогда приглашали во дворец. Там кормили ухой. Почти такой же.

— Почти? — переспросила Сигрун.

— Той не хватало чего-то. — Гуннар снова поднёс ложку ко рту. — А этой — хватает.

Он ел медленно, смакуя. Мужики молчали, глядя на него.

— Элли, — сказал Гуннар, отставив пустую миску. — Откуда у тебя этот рецепт?

Я молчала.

— Ты сказала — госпожа учила. Но госпожа не повар. А этот рецепт... — он помолчал. — Я помню его. Его называли «уха по-аурелиански». По имени императора Ауреллия Первого. Его готовили только во дворце, по старой книге из императорской библиотеки.

Сигрун замерла.

— Императорской библиотеки? — переспросила она.

— Да, — сказал Гуннар, не сводя с меня глаз. — Эту книгу никто не видел лет пятьдесят. Только императорская семья имела к ней доступ.

Я чувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Элли, — сказал Гуннар. — Откуда у тебя этот рецепт?

Я подняла голову.

— Я читала эту книгу, — сказала я. — Сама. В императорской библиотеке.

Тишина. Такая, что слышно было, как в печи прогорают угли.

— Ты читала? — спросила Сигрун. — В императорской библиотеке?

— Да.

— Служанки не умеют читать, — сказала Сигрун. — И в императорскую библиотеку их не пускают. Никогда.

— Я не служанка, — сказала я.

Гуннар медленно поднялся. Опираясь на клюку, подошёл ко мне. Смотрел сверху вниз — чёрным, острым глазом.

— Кто ты? — спросил он.

Я смотрела на него. Видела мужиков, которые опустили ложки. Видела Сигрун, которая прижала руку ко рту. Видела Эрхарда у двери — он не двигался, ждал.

— Я...

Гуннар поднял руку, останавливая меня.

— Не здесь, — сказал он. — Идём в мой дом. Один на один. Ты, я и твой брат.

Он повернулся и пошёл к выходу.

— А если она не пойдёт? — спросил рыжий Видар.

— Пойдёт, — сказал Гуннар, не оборачиваясь. — Или я убью её на месте. Выбирай, Элли.

Я встала. Ноги дрожали. Эрхард подошёл, встал рядом.

— Идём, — сказал он тихо.

Мы пошли за Гуннаром.

В доме было темно. Только печь горела, бросая красные отсветы на стены. Гуннар сел на своё место, указал на лавку напротив.

— Садись, — велел он.

Я села. Эрхард остался стоять у двери по приказу старосты.

— Ещё раз, — сказал Гуннар. — Медленно и без вранья. Кто ты?

Я посмотрела ему в глаза. И вспомнила, что за враньё на севере — смерть.

— Меня зовут Элиана, — сказала я. — Я — жена императора Дамиана.

Гуннар не моргнул.

— Императрица, — сказал он.

— Да.

— Та самая, которую отправили в ссылку на север? Которую убили в карете?

— Карета была пустой, — сказала я. — Дариан, принц, спрятал меня.

— Зачем?

— Чтобы Лиана не нашла. Она хотела избавиться от меня, чтоб захватить трон.

Гуннар молчал. Долго. Потом спросил:

— А твой брат?

— Капитан императорской гвардии, — ответил Эрхард. — Послан охранять императрицу.

— И вы пришли в мою деревню, — сказал Гуннар. — Солгали мне. Назвались слугами. Думали обмануть.

— Думали, — сказала я.

— Глупо, — сказал Гуннар. — Глупо и наивно. На севере не обманывают. Здесь убивают за ложь.

— Я знаю, — сказала я. — Но у меня не было выхода.

Гуннар снова замолчал. Встал, подошёл к стене, снял с крюка старый меч. Выхватил из ножен — лезвие блеснуло в свете печи.

— Встань, — сказал он.

Я поднялась. Ноги не слушались. Колени дрожали.

Он шагнул ко мне. В одной руке — клюка, в другой — меч. Лезвие тускло блеснуло.

— Ты принесла беду в мою деревню, — сказал он. Голос низкий, ровный, без единой дрожи. — Лилиана ищет тебя. Она найдёт. Ярга сгорит. Мои люди умрут. Дети, бабы, весь наш народ будет на твоей совести.

— Я уйду, — сказала я. — Сегодня же. Сейчас.

— Не сегодня, — ответил Гуннар. — Ты не уйдёшь.

Он поднял меч выше. Остриё упёрлось мне в шею. Холодный металл коснулся кожи — там, где бьётся пульс.

— Ты умрёшь здесь, императрица, — сказал Гуннар. — И никто никогда не узнает.

— Гуннар! — Эрхард рванулся вперёд, выхватывая меч.

Но не успел.

Рыжий охотник, тот самый Видар, который хвалил мою уху, оказался быстрее. Он вошёл в дом бесшумно — я не слышала, как открылась дверь. Теперь он стоял за спиной Эрхарда, и его короткий нож прижимался к горлу капитана.

— Ни с места, — тихо сказал Видар. — Никто не двигается.

Эрхард замер. Лезвие его меча застыло в дюйме от ножен. Пальцы побелели.

Я смотрела в глаза Гуннару. Чёрный, единственный глаз смотрел в ответ — спокойно, без ненависти. Он не хотел этого делать. Но делал.

— Народ севера не терпит корону, — сказал он тихо. — Покайся, императрица.

Остриё меча вдавилось в кожу. Я почувствовала, как по шее потекла тёплая капля.

Глава 16. Мой герой

— Опusti меч, Гуннар.

Голос разорвал тишину. Я открыла глаза.

В дверях стоял Дамиан. Плащ в снегу, сапоги в грязи, лицо бледное как смерть. Под глазами — чёрные ямы. Он выглядел так, будто три недели не спал. Может, так и было.

Гуннар не опустил меч. Лезвие всё ещё врезалось в мою шею. Кровь текла по ключице, заливала ворот платья. Тёплая, липкая. Я чувствовала, как она высыхает на коже, стягивает её.

— Я ищу её три недели, — сказал Дамиан. Голос хриплый, с каким-то звериным надрылом. — Три недели, Гуннар. Я спал в седле. Я ел сырое мясо. Я допрашивал каждого встречного. Я перевернул пол-империи. А ты стоишь здесь с мечом у её горла.

— Опusti.

— А если нет?

— Если ты через минуту не опустишь меч и не отпустишь её, я сожгу твою деревню.

Гуннар усмехнулся.

— С одним мечом?

Дамиан подошёл к двери, распахнул её настежь. В дом начали заходить солдаты. Не двое. Не трое. Десятки. В тяжёлых доспехах, с мечами наголо. Они заполнили избу, встали вдоль стен, за спиной Гуннара, за спиной Видара. У каждого на поясе — факел. У каждого в руках — оружие.

— Я привёл тысячу человек, Гуннар, — сказал Дамиан. — Они ждут в лесу. Если я не выйду через минуту и не подам знак, твоей деревни не станет. Даже пепла не останется.

Гуннар смотрел на солдат. На их мечи. На лица, которые не выражали ничего, кроме готовности убивать.

— Ты не врал, — сказал он.

— Я никогда не вру, — ответил Дамиан. — Опusti меч.

Гуннар медленно убрал меч от моего горла. Лезвие оставило последнюю царапину. Кровь потекла сильнее. Я зажала рану рукой, но Дамиан уже был рядом.

— Сигрун, залатай её, — сказал он.

Сигрун шагнула ко мне с тряпкой. Пальцы грубые, но умелые. Прижала тряпку к шее.

— Иди, — сказала она, не оборачиваясь к Дамиану. — Поддай знак своим. А я пока закончу.

— Я не уйду, — сказал Дамиан.

— Ты мешаешься, — отрезала Сигрун. — Стоишь над душой, дышишь. Иди, поддай знак. Через пять минут вернёшься. Она никуда не денется.

Дамиан посмотрел на меня. Я кивнула.

— Иди, — сказала я. — Я в порядке.

Он вышел на крыльцо.

Снег падал. В темноте, у опушки леса, горели факелы. Тысяча факелов. Они двигались, переливались, будто кто-то водил невидимой кистью по чёрному полотну.

Дамиан поднял руку. В ней был маленький факел — смоляная ветка, обмотанная тряпьем. Он зажёл его от огня, который кто-то подал из дома. Поднял над головой. Начал водить факелом по кругу. Один круг. Два. Три.

Из леса ответили. Тысяча огней взметнулась вверх, повторила его движение. Три круга. Три огненных спирали над снежной равниной. Лес засиял, будто загорелся — но это была не смерть. Это был знак того, что император жив. Знак того, что деревню не сожгут. Сегодня.

Тысяча факелов опустилась. Только горящие точки остались на опушке — глаза ночной армии.

Дамиан стоял на крыльце, смотрел на них. Потом повернулся к окну. Увидел меня. Улыбнулся. Я не видела его улыбку три недели. Она была усталой, но живой.

Он вернулся в дом. Сигрун уже заканчивала с повязкой.

— Готово, — сказала она. — Не трогай, не мочи. Через три дня снимешь.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, — ответила Сигрун и отошла к печи.

Дамиан сел рядом со мной. Взял за руку.

— Я должен тебе кое-что сказать, — сказал он тихо.

— Что?

— Дариан не может найти третий камень для портала. Клань перепрыгали его. Или продали. Или уничтожили. Но я знаю, кто знает, где он.

— Есть догадки?

— Глава клана Ветра. Тот, что сбежал перед нашей помолвкой.

Я замерла.

— Я помню его.

— Он был в сговоре с Лилианой всё это время. Проклятие — его рук дело. Он создал её. Он кормил её зельями, учил ритуалам. Она — марионетка. Он — кукловод.

— А невесты? — спросила я. Голос стал чужим, тонким. — Те, что погибали до свадьбы? Ведь проклятие рода должно было забрать их после отбора. А они погибали во время...

— Он убивал их. — Голос Дамиана стал тише, но тяжелее. — Чтобы я оставался один. Чтобы у меня не было наследника. Чтобы империя слабела.

— Я поэтому боялся, что тебя убьют, — сказал он. — И боялся не зря. Он уничтожил мою первую жену. Он уничтожил всех, кто был до тебя. Я не позволю ему уничтожить тебя.

— Что ты сделаешь, когда найдёшь его?

Дамиан повернулся ко мне. В его глазах было что-то, чего я раньше не видела. Не холод. Не ярость. Тьма. Настоящая, древняя тьма.

— Буду пытаться его, — сказал он. — Медленно. Я буду резать его по кускам. Я буду прижигать раны, а потом залечивать их, чтобы он не сдох слишком быстро. Я вырву ему язык, чтобы он не мог произносить заклинания. Я выколю ему глаза, чтобы он не видел света. И когда он начнёт молить о смерти, я скажу ему: «Нет».

Я молчала. Снег падал за окном.

— Дальше я не придумал, — сказал Дамиан. — Но смерть для него слишком гуманна.

— А Лилиана?

— Лилиана — всего лишь оружие в его руках. Она не знает, что она марионетка. — Он усмехнулся. — Может, и к лучшему. Она не будет ждать удара с его стороны.

— Когда ты уходишь?

— На рассвете.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом провёл пальцем по моей щеке, стирая запёкшуюся кровь.

— Сейчас у меня есть полчаса, — сказал он. — И я всё ещё хочу наследника.

— Прямо здесь? — спросила я, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— На шкурах у печи. — Он улыбнулся. — Гуннар не войдёт. Солдаты стоят у дверей. Сигрун отвернётся.

— Дамиан...

— Я не хочу умирать, не оставив после себя жизнь, связанную с тобой. — сказал он. — Если я не вернусь... если меня убьют... пусть хотя бы ты родишь.

Я смотрела на него. На его бледное лицо, на чёрные круги под глазами, на руки, которые дрожали — не от холода.

— Хорошо, — сказала я. — Идём.

Он встал, повернулся к Гуннару.

— Уйди. Все уйдите.

Гуннар посмотрел на него. На солдат. На меня. Покачал головой, но спорить не стал.

— Выйдите все во двор, — сказал он.

Солдаты зашевелились. Гуннар вышел первым. Сигрун, бормоча что-то про «молодёжь», выскользнула следом. Видар и остальные потянулись к двери. Изба опустела.

Дамиан закрыл дверь на засов. Повернулся ко мне.

— Ну здравствуй, — сказал он.

— Здравствуй.

— Ты красивая, — сказал он. — Даже после трёх недель скитаний.

— Ты льстишь.

— Я не умею льстить. Я говорю правду.

Он шагнул ко мне. Взял за лицо, поцеловал. Не грубо, как в прошлый раз, когда врывался в пещеру. Медленно. Со вкусом. Будто пробовал на память. Я чувствовала его дыхание, его руки, его дрожь.

— Я скупал, — сказал он, отрываясь от моих губ.

— Я тоже, — ответила я.

— Покажи мне, чему ты научилась в ссылке, — сказал он, и в глазах запрыгали чёртики.

— Например?

— Например, как служанка раздевает императора.

Я усмехнулась.

— Служанки не раздевают императоров. За это порют.

— Я тебя не выпорю, — сказал он. — Обещаю.

— Тогда повернись.

Он повернулся. Я расстегнула его плащ — пряжки были холодными, пальцы дрожали. Стянула с плеч, бросила на лавку. Потом ремень — туго затянут, пришлось повозиться. Ремень упал на пол.

— Медленно работаешь, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я не работала три недели. Отвыкла.

— А чему тебя учила Сигрун?

— Картошку чистить. Рыбу потрошить. Полы мыть.

— Не то.

— А что «то»?

Он повернулся, взял меня за талию, притянул к себе.

— Этому.

Он расстегнул платье лисы — грубое, тёплое, служанкино. Оно упало на пол. Я осталась в тонкой рубахе, которая почти ничего не скрывала.

— Я сниму с тебя эту дырявую рубаху, — сказал он, — и ты перестанешь быть служанкой.

— А кем я стану?

— Моей женой.

— Я и так твоя жена.

— Тогда просто женщиной. Моей любимой женщиной.

Он стянул рубаху через голову. Я стояла перед ним голая, в одной повязке на шее. Он смотрел. Долго. Как смотрят на что-то, что боишься потерять.

— Красивая, — сказал он.

— Ты уже говорил.

— Повторю. Красивая.

Он подхватил меня на руки. Я обхватила его шею, прижалась щекой к груди. Сердце билось — ровно, сильно, как всегда. Он опустил меня на шкуры у печи. Лёг сверху, опираясь на локти, чтобы не раздавить.

— Не торопись, — сказал он. — У нас есть полчаса.

— Полчаса — это мало.

— Значит, не будем тратить время на разговоры.

Он поцеловал мою шею, осторожно обходя повязку. Спустился к ключицам. Пальцами гладил живот, поднимался выше. Я выгнулась, застонала.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Холодно.

— Врёшь.

— Тепло, — поправила я. — Очень тепло.

Он вошёл в меня медленно. Глядя в глаза. Я прикрыла веки.

— Не закрывай глаза, — сказал он. — Смотри на меня.

Я открыла глаза. Его лицо — бледное, уставшее — было прекрасным. Я провела пальцами по его щеке, по губам, по шраму на скуле.

— Я люблю тебя, — сказала я.

— Я знаю.

— Скажи это.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Элиана. Моя императрица. Моя служанка. Моя женщина.

Он двигался плавно, не торопясь. Я вцепилась в его плечи, подавалась навстречу, чувствуя, как внутри нарастает что-то огромное, горячее.

— Быстрее, — попросила я.

— Не торопись.

— Дамиан, пожалуйста.

— Пожалуйста — кто?

— Ты издеваешься?

— Пожалуйста — кто? — повторил он, замирая.

Я застонала от удовольствия.

— Пожалуйста, ваше величество.

— Не то.

— Пожалуйста, господин.

Он улыбнулся.

— Хорошая девочка.

— Я не девочка...

— Заткнись, — сказал он и поцеловал меня.

Он двигался быстрее. Я кричала — негромко, в шкуры, в его плечо, в свои сжатые кулаки. Солдаты за дверью кашляли. Кто-то усмехнулся. Мне было всё равно.

— Сейчас, — прошептал он.

— Вместе.

Он упал на меня, тяжело дыша. Я гладила его по голове, вытирала пот со лба.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что ждала.

— А ты ждал бы меня?

— Вечность.

Он поцеловал меня в лоб, встал, начал одеваться.

— Одевайся, — сказал он. — Почти рассвело.

— А ты не хочешь попрощаться нормально? — спросила я, натягивая рубаху и платье.

— Прощаться я хочу, — ответил он, застёгивая ремень. — Но ты должна жить дальше. А для этого тебе нужно не плакать у меня на плече, а стоять с высоко поднятой головой. Ты — императрица. Императрицы не плачут.

— Императрицы плачут, когда их мужья уходят на войну, — сказала я.

— Тогда плачь потом. Наедине. А сейчас — улыбайся.

Я улыбнулась. Криво, но улыбнулась.

— Оделась? — спросил он.

— Оделась.

Дамиан подошёл к двери, отодвинул засов, открыл.

— Заходите все! — крикнул он.

Первым вошёл Гуннар. Осмотрел меня, Дамиана, шкуры у печи. Усмехнулся в бороду.

— Ну что, закончили, ваше величество? — спросил он.

— Не умничай, старик, — сказал Дамиан.

— А я и не умничаю, — ответил Гуннар. — Я просто спросил. У нас тут женщины в деревне любопытные. Весь вечер уши грели.

— Гуннар! — рявкнула я, чувствуя, как горят щёки.

— Что? — он развёл руками. — Правда же. Император приехал, императрицу навестил, полчаса в доме с ней закрылся. О чём думать людям?

— Думать о работе, — сказал Дамиан. — А не о чужих делах.

— Так точно, ваше величество, — усмехнулся Гуннар. — Будем думать о работе.

Он перевёл взгляд на меня.

— А у тебя, императрица, муж — горячий. Вон, вся деревня уже обсуждает, как ты будешь наследника рожать.

— Я убью тебя, Гуннар, — сказала я.

— Убьёшь, — согласился он. — Но сначала нарожаешь. Империи нужен наследник.

Дамиан рассмеялся. Настоящим смехом, а не тем, хриплым, усталым. Я посмотрела на него. Он улыбался.

— Ты слышала? — спросил он меня. — Вся деревня уже обсуждает.

— Ты тоже хочешь, чтобы я тебя убила?

— Я хочу, чтобы ты родила. — Он подошёл, поцеловал меня в лоб. — А убивать будешь потом.

Он повернулся к солдатам.

— Заносите золото.

Двое солдат внесли кованный сундук, окованный железом. Поставили на пол, открыли. Слитки блеснули в свете печи. Гуннар смотрел на золото. Долго.

— За что? — спросил он.

— Ты знаешь всё о беглецах, Гуннар, — сказал Дамиан. — Ты знаешь все тропы. Говори, где глава клана Ветра. И как его поймать. Если не скажешь — ты знаешь, что я сделаю.

— Сожжёшь деревню, — сказал Гуннар. — Убьёшь всех. Я понял с первого раза.

— Тогда говори.

— Крепость на костях, — сказал Гуннар. — В Тихих землях. Дорога через Замёрзшее озеро, потом через перевал. Три дня пути. Под стенами — подземный ход со стороны реки. Завален камнями. Если разобрать — войдёшь внутрь.

— Что ещё?

— Днём он не выходит. Только ночью. И с ним свора тварей. Лилианиных, тех, что рыскают по лесам. Будь осторожен.

— Я буду.

Дамиан кивнул солдатам.

— Заберите сундук.

— Но ты сказал...

— Тонна остаётся, — перебил Дамиан. — За то, что будешь охранять мою жену.

Гуннар посмотрел на Дамиана. На меня. На сундук, который солдаты потащили обратно.

— Она будет жива, — сказал Гуннар.

— Смотри мне в глаза.

Гуннар поднял голову, посмотрел в глаза Дамиану. Чёрный глаз — острый, как шило. Белый, слепой — страшный в этой своей бельме.

— Она будет жива, — повторил Гуннар. — Клянусь. Не ей — тебе. Не себе — детям.

Клянусь этой землёй, этим снегом, этим небом.

Дамиан смотрел на него долго. Потом кивнул.

— Верю, — сказал он.

Подожёл ко мне. Поцеловал — коротко, в губы.

— Три дня, — сказал он. — Жди.

— А если не вернёшься?

— Вернусь, — сказал он. — Мне есть ради кого возвращаться.

Он вышел на крыльцо. Снег падал. Поднял факел. Один круг. Два. Три.

Из леса ответила тысяча огней. Три круга. Тысяча факелов повторила его движение.

Он вскочил на лошадь, развернул коня.

— Неделя! — крикнул он в темноту.

И исчез.

Я стояла на крыльце. Снег падал на лицо, таял, смешивался со слезами.

— Заходи, — сказал Гуннар за моей спиной. — Простынешь. Императрица, а дура.

Я не ответила. Смотрела вслед, пока огни не растаяли за горизонтом.

Потом зашла в дом.

Сигрун уже ждала с мазью.

— Ложись, — сказала она. — Ещё раз перевяжу.

Я легла на шкуры — ещё тёплые после нас. Сигрун молча возилась с повязкой.

— Опасный у тебя муж, горячий — сказала она, не поднимая головы.

— Ты тоже это заметила? — спросила я, улынувшись сквозь слёзы.

— Вся деревня заметила, — усмехнулась Сигрун. — Ты знаешь, какие у нас тонкие стены?

— О боги.

— Не боги, — сказала Сигрун, затягивая повязку. — Просто старые брёвна. Не трещины, а сплошные уши. Всю ночь слушали, как императорская чета наследника делает.

— Сигрун!

— Ладно, ладно, молчу, — сказала она. — Спи.

Она встала, убрала мазь.

— Спи, императрица, — повторила она уже из темноты. — Завтра рано вставать. Картошку чистить, рыбу потрошить, детей учить.

— А детей кто учить будет? — спросила я.

— Ты, — ответила Сигрун. — Кто ж ещё. Грамотных в деревне больше нет.

Я закрыла глаза. Снег падал за окном. Печь горела. Где-то там, в темноте, мой муж ехал навстречу магу, который убивал невест.

— Горячий, — прошептала я. — Боги, какой же он горячий.

Я уснула с улыбкой на губах.

Завтра был новый день.

Визуал главы 16.

Глава 17. Азбукиведи

Я проснулась от того, что кто-то колотил в дверь. Сигрун уже открыла — впустила мороз и Гуннара. Он глянул на меня, на шкуры, на печь.

— Вставай. Эльза ногу вывихнула. Корову доить некому.

Я встала. Надела платье, накинула плащ, взяла ведро. Сигрун даже не спросила, умею ли я. Наверное, решила, что умею — не умею, а корова ждать не будет.

Эльза сидела на лавке у своей избы, нога замотана тряпьем. Увидела меня — покачала головой.

— Ты не обязана.

— Знаю, — сказала я. — Где она?

В хлеву оказалось темно и пахло навозом. Корова стояла в углу — большая, тёмная, с острыми рогами. Повернула ко мне голову, глянула равнодушно. Я села на скамейку, поставила ведро, потянула за вымя. Ничего. Потянула сильнее — брызнуло мимо, на рукав. Корова вздохнула — тяжело, по-человечески.

— Да знаю я, — сказала я ей. — Сама не рада.

Со второй попытки пошло. Молоко застучало по дну. Я сидела согнувшись, пальцы немели. Корова иногда дёргалась, но не лягалась — то ли привыкла, то ли было всё равно. Когда ведро наполнилось, Эльза сказала из дверей:

— Половину пролила. Завтра будет меньше.

— Посмотрим, — ответила я. Потащила ведро к Сигрун.

Утро только начиналось. Я сварила кашу. Она подгорела — снизу чёрной коркой, сверху жидкой. Сигрун попробовала, поморщилась.

— Съедобно.

— Ты добрая.

— Я честная, — ответила она. — Съедобно — это не значит вкусно.

Мы ели молча. Сигрун выскребла горшок, поставила его в угол и сказала:

— Там дети.

Я выглянула в окно. На крыльце стояли трое — две девочки и мальчик. Чумазые, вихрастые, в драных рубахах. Они смотрели на дверь, но не стучали. Я вышла. Они отступили на шаг.

Самая маленькая, с торчащими косичками, спросила:

— Ты правда умеешь читать?

— Правда.

— А научишь?

— Научу.

Я села на ступеньку. Достала уголёк из кармана. Девочка протянула мне кусок бересты — старый, жёваный, с загнутым краем. Я начертила первую букву.

— Это «аз».

Дети смотрели.

— Повторяйте.

Мальчик взял свой уголёк — острый, как гвоздь — вывел на своей бересте кривую загогулину.

— Это не «аз», — сказала я. — Это чёрт знает что. Смотри ещё раз.

Я взяла его руку в свою, провела правильно. Он не отдернул пальцы. Вторая попытка вышла лучше. Третья — почти правильно.

— Как тебя зовут?

— Лейф.

— Лейф, ты понял, что такое «аз»?

— Первая буква, — сказал он.

— А зачем она нужна? — спросила вторая девочка.

— Чтобы складывать слова. Чтобы читать. Чтобы никто тебя не обманул.

— А нас часто обманывают, — сказала маленькая.

— Как тебя зовут?

— Хельга.

— Хельга, если выучишь буквы и научишься считать, никто не сможет обмануть тебя.

Ни купец, ни сборщик налогов, ни даже император.

— А император может обмануть? — спросил Лейф.

— Может, — сказала я. — Все люди могут. Но тот, кто умеет читать, всегда может про-
верить.

Они переглянулись. Потом Хельга сказала:

— Покажи следующую букву.

Я показала «буки», потом «веди». Дети писали углём на бересте — коряво, с ошибками.
Я поправляла, показывала снова. Хельга написала своё имя — неправильно, но написала.

— Это я?

— Это твоё имя.

Она улыбнулась. Ингрид написала своё на третьем куске бересты, когда уголёк сломался
и пришлось доставать новый.

— Моё имя, — сказала она. — Ингрид.

— Умница, — сказала я.

Потом я встала, отряхнула юбку.

— Мне надо к колодцу. Вы пока пишите то, что запомнили. Я скоро вернусь.

У колодца стояли три бабы — Грета, Фрида и ещё одна, которую я видела в первый
раз, но имени не запомнила. Грета мыла ведро, Фрида держала коромысло. Увидели меня —
замолчали. Я опустила своё ведро, вытащила. Молча. Они молчали тоже.

Потом Грета сказала осторожно:

— Ты бы позвала кого. Мы бы принесли. Ты всё-таки...

Она не договорила. Не то не знала, как назвать, не то боялась сказать лишнее.

— Слушайте, — сказала я, поставив ведро на снег. — Давайте сразу, чтобы потом не
возвращаться.

Они замерли. Я посмотрела на каждую по очереди.

— Я знаю, что вы никогда не признавали короны. На севере — никогда. И не надо делать
вид, что теперь признаёте, только потому, что мой муж вам угрожал.

Грета открыла рот — хотела что-то сказать, возразить, наверное, или оправдаться. Я под-
няла руку.

— Я не закончила.

Она закрыла рот.

— Я не терплю лести, — сказала я. — И двуличия не терплю. Если я вам не по нраву
— скажите прямо сейчас, при всех. Я не обижусь. Уйду в избу и не буду вам мешать. Если
по нраву — тогда относитесь ко мне как к человеку. Не как к императрице. Не как к жене
того, кто привёз золото и пообещал пожар. Как к человеку. Который живёт в вашей деревне,
проливает молоко и учит сирот читать.

Фрида переглянулась с Гретой. Та, третья, молодая, с красными от мороза щеками, спро-
сила тихо:

— А если мы не будем тебе кланяться — ты не рассердишься?

— Рассержусь, если будете кланяться, — сказала я. — Мне это противно. Я не статуя
в храме.

Грета фыркнула. Потом усмехнулась.

— Ты странная, — сказала она. — Мы таких не встречали.

— Ятоже таких, как вы, не встречала, — ответила я. — Но это не мешает нам жить в одной деревне.

Фрида покачала головой.

— А муж твой узнает, что мы тебе не кланяемся?

— Муж узнает то, что я ему скажу, — сказала я. — А я скажу, что вы хорошие люди. Потому что вы и есть хорошие люди. Просто не привыкли чужакам руки целовать.

— Мы не привыкли никому целовать руки, — сказала Грета. — Даже своим.

— Вот и договорились.

Я взяла ведро. Пошла к избе. Сзади услышала:

— А кашу ты хоть варить умеешь?

— Не умею, — крикнула я, не оборачиваясь. — Научите.

— Приходи вечером, — сказала Грета. — Покажем.

Я улыбнулась. Они меня не видели. И правильно.

Вернувшись к крыльцу, я села на ступеньку. Дети всё ещё писали. Лейф вывел «азбуки-веди» слитно, одной строкой, и смотрел на меня с гордостью.

— Это слово?

— Это три буквы без смысла, — сказала я. — Но ты молодец. Не бросил.

— А когда будет смысл?

— Когда выучишь все буквы. Тогда сложишь любое слово, какое захочешь.

— А я хочу сложить своё имя, — сказал Лейф.

— Так сложи.

Он написал «лейф». С ошибкой — вместо «е» получилось что-то среднее между «е» и «ь».

— Почти, — сказала я. — Завтра поправим.

— Ты и завтра будешь?

— Буду.

Хельга дёрнула меня за рукав.

— А расскажи что-нибудь. Про буквы. Или про императоров. Ты же с ними живёшь.

— С одним императором, — поправила я. — С мужем.

— А он страшный?

— Нормальный. Когда не злится.

— А он злится?

— Иногда. Как все.

— А тебя бьёт?

Я посмотрела на Хельгу. Вопрос был не детский. Северные дети знали, что мужья бьют жён. Видели, наверное, не раз.

— Нет, — сказала я. — Не бьёт. Если бы бил — я бы не осталась.

— А куда бы ты пошла?

— Не знаю. Но ушла бы.

Хельга кивнула. Подумала. Потом спросила:

— А ты научишь меня писать так, чтобы я могла написать жалобу, если меня кто-то ударит?

У меня сжалось сердце.

— Научу, — сказала я. — Обязательно научу.

Гуннар сидел на бревне у конюшни, строгал щепку. Я видела краем глаза — он не строгал. Он слушал. Я не подавала виду.

После обеда дети разошлись — кто в баню, кто к родственникам. Я пошла к Эльзе — корова ждала. Эльза сидела в дверях, командовала.

— Ритмичнее. Не дёргай. Она терпеть не может, когда дёргают.

— Откуда знаешь?

— Она мне сама сказала, — усмехнулась Эльза.

Я доила. Молоко лилось ровно, без брызг. Эльза молчала. Потом сказала:

— Ты приходила к колодцу сегодня. С бабами говорила.

— Приходила.

— Грета рассказала.

— И что Грета сказала?

— Сказала, что ты не похожа на императрицу, — Эльза помолчала. — Сказала, что ты, может быть, и человек.

— Я и есть человек.

— Знаю, — сказала Эльза. — Но не все это понимают. Те, у кого власть, быстро забывают, что они люди. А ты не забыла. Почему?

Я подумала.

— Потому что у меня нет власти, — сказала я. — Власть у моего мужа. А я просто его жена. И если он завтра умрёт, от меня останется только то, что я сделала сама. А я сделала пока мало: пролила молоко, сожгла кашу и научила трёх сирот писать своё имя. Невелика заслуга.

Эльза покачала головой.

— Для наших детей — велика, — сказала она. — Наши дети умирают неграмотными. Только в сказках они читают.

Я ничего не ответила. Закончила доить. Поставила ведро.

— Завтра сама, — сказала Эльза. — Нога уже не болит.

— Если нужна буду — зови.

Я ушла. В избе Сигрун уже поставила ужин на стол. Каша была не подгоревшей. Сигрун смотрела на меня выжидающе.

— Грета приходила, — сказала она. — Учила тебя соль добавлять, пока ты корову доила.

— Вот почему, — сказала я. — А я думала, у меня руки из нужного места выросли.

— Не выросли, — сказала Сигрун. — Но соль помогла.

Мы ели молча. Потом я вышла на крыльцо.

Снег падал. Темнота стояла такая, что леса не было видно — только тьма. Где-то там, за этой тьмой, мой муж ехал навстречу магу. Тысяча факелов горела за его спиной — или уже погасла. Я не знала. И не могла знать.

— Заходи, — сказала Сигрун из избы. — Простынешь.

Я зашла. Легла на шкуры. Закрыла глаза.

Печь догорала. В углу лежали бересты с корявыми буквами. Завтра надо было снова доить корову, варить кашу, учить детей писать «глагол», «добро», «есть». Завтра будет новый день.

А сегодня — просто ночь.

И этого было достаточно.

Глава 18.хлопоты северян

— Не дотянем, — сказала Сигрун, высыпая на стол последний мешок овса. — Считаю сама, если не веришь.

Я посмотрела на горку зерна. Потом на Гуннара, который стоял в дверях и молчал. Потом на Сигрун.

— Давай сюда всё. Посчитаем вместе.

Они принесли всё, что было в амбарах и погребях: мешки с зерном, связки сушёной рыбы, вяленое мясо, грибы на нитках, мёрзлые корни. Я высыпала овёс на чистое полотно, пересчитала меры. Потом записала на бересте цифрами — рыбу, мясо, грибы. Сигрун смотрела, как я вожу углём по бересте, и не верила.

— Сорок мер зерна, — сказала я. — Двадцать — рыбы. Десять — мяса. Двадцать семь ртов. Если будете есть как обычно — в марте сядете на пустые щи.

Гуннар помрачнел.

— И что ты предлагаешь? Есть меньше?

— Не просто меньше, — сказала я. — По-другому.

Я взяла новую бересту и расписала понедельно. Сигрун наклонилась, хотя всё равно не умела читать.

— Порции сократить на четверть. Мясо и рыбу — через день. В похлёбку добавить сосновую кору — перемолоть в муку, она сытная. И костную муку из рыбьих голов — не выбрасывать, а сушить, толочь, добавлять в кашу. И яровые проращивать на подоконниках — зелень даст силу, чтобы не болеть.

Сигрун слушала, не перебивая. Потом сказала:

— Откуда знаешь?

— В императорской библиотеке есть книги по хозяйству. Я читала, пока муж спал.

— А он не ругался?

— Он думал, я читаю романы про любовь.

Гуннар усмехнулся.

— Если так сделать — дотянем? — спросил он.

— До апреля — да, — сказала я. — А в апреле подойдёт охота и первая зелень.

— А если нет? — спросила Сигрун.

— Если нет — напишу мужу. Попрошу прислать зерно.

Гуннар усмехнулся громче.

— Чтобы потом отрабатывать? Золотом? Кланяться? Мы не нанимались.

— Безвозмездно, — сказала я. — Вы ничем за это не обязаны.

— Не бывает безвозмездно, — сказал Гуннар. — Императоры просто так не раздают.

— Я не император, — сказала я. — А он сделает так, как я попрошу. Ты сам видел — тысячу солдат привёз из-за меня одной. Что ему стоит отправить обоз с мукой?

Гуннар промолчал. Сигрун смотрела на меня из-под лохматых бровей.

— А что ты хочешь взамен? — спросила она. — Ты не альтруистка, я знаю. Никто не альтруист. Так чего тебе надо?

Я подумала.

— Вы дали мне крышу, — сказала я. — Накормили. Не выдали солдатам, когда могли. Сигрун перевязала мою шею. Эльза научила доить корову. Дети не швыряются снегом мне в спину. Этого достаточно.

— Этого мало, — сказал Гуннар.

— Для меня — достаточно, — ответила я. — Я не привыкла быть должницей.

Он отвернулся к окну. Я взяла бересту и уголёк. Написала Дамиану коротко — без приказов, без просьб, без мольбы. Просто:

«Люди, у которых я живу, останутся без хлеба к весне. Пришли муки. Тонны хватит. Никакой благодарности не требуй — я им уже должна, и это не про долги. Сделай, как я прошу. Элиана».

Свернула, запечатала воском.

— Отправишь с солдатом? — спросил Гуннар.

— Утром. Эрхард стоит в лесу с десятком. Один доскачет.

— А если скажет нет?

— Не скажет.

— Откуда знаешь?

— Потому что если скажет нет, я не вернусь в столицу, — сказала я. — А он это знает.

Гуннар покачал головой. Но не спросил, шучу я или нет. Северяне не задают глупых вопросов.

После завтрака я позвала Эрхарда. Он пришёл замёрзший, злой, но держался прямо. Я отдала письмо.

— Отвезёшь императору в крепость. Скажешь, что нужна мука. Тонна.

— Император не будет раздавать муку северянам, — сказал Эрхард.

— Передашь, что я прошу. Он сделает.

Эрхард взял письмо, сунул за пазуху. Посмотрел на меня — долго.

— Вы изменились, госпожа.

— Постарела?

— Поумнели, — ответил он и ушёл.

Днём пришли дети. Хельга, Ингрид, Лейф, Стейн — и ещё трое, новенькие. Я села на ступеньки, достала уголёк. Лейф уже выводил «азбуки» почти без ошибок. Хельга написала своё имя — твёрдо, как взрослая.

— А ты научишь нас считать? — спросил Стейн.

— Научу.

Я начертила цифры на бересте. Сигрун принесла горсть овса — учиться на зёрнах. Мы складывали и вычитали. Дети кричали хором, смеялись, спорили.

— А если у тебя пять зёрен, а я дам ещё три?

— Восемь!

— А если Стейн возьмёт два и съест?

— Останется шесть, но Стейн жадина! — сказала Хельга.

— Не жадина, я есть хочу!

— Хотеть и брать — разные вещи, — сказала я. — Если договорились делить поровну — делить. А если нет — спроси разрешения.

Дети задумались. Я продолжила урок.

К вечеру пришла Торрид — та самая, с серёжками. Светилась, как начищенный медяк.

— Он подошёл! — выпалила она с порога. — Сказал, волосы красивые. Спросил, где серьги взяла. Я сказала: «Подарили». Он спросил: «Кто?» А я отвернулась и ушла.

— Молодец.

— А сегодня приходил к нашему дому. Стоял под окном. Я не вышла. Мать сказала, что я больна.

— А ты не больна.

— Не больна, — улыбнулась Торрид. — Но теперь он волнуется.

— Пусть поволнуется. День-два — потом выйдешь. Скажешь, что уже лучше. Спросишь, как дела.

— А он скажет: «Скучал».

— Тогда скажешь: «Я тоже». И улыбнёшься. Только не широко, а так — чуть-чуть. Торрид убежала. Грета задержалась в дверях.

— Ты, поди, в столице такая же была?

— Какая?

— Которая знает, как мужиков крутить.

— Я была дура, — сказала я. — В столице всё решают отцы и деньги.

— А здесь?

— Здесь решают глазами.

Грета хмыкнула, ушла.

Вечером, когда Гуннар ушёл в лес, а дети разбежались по домам, я достала свою книгу. Тонкую, в кожаном переплёте, с золотым обрезом. Императорская библиотека. Лечебник. Сигрун сидела у печи, перебирала сухие грибы.

— Я тебе обещала, — сказала я. — Рецепты. Из дворца.

Сигрун отложила грибы.

— Слушай, — я открыла книгу на закладке. — От кашля и хрипоты. Берёшь корень девясила, сушишь не в печи, а на сквозняке, чтобы горечь ушла. Потом перемалываешь с сосновой смолой. Добавляешь мёд, только липовый. Принимаешь по ложке утром. Императорский лекарь так делал. Я сама видела.

Сигрун слушала, не перебивая. Глаза прищурила — запоминала.

— Ещё про раны, — продолжала я. — Если загноилось, прикладываешь не подорожник, а перетёртый корень лопуха с пеплом. Золой сверху присыпаешь. Двоюродного брата Дамиана так спасли, когда тот на охоте ногу распорол. Местные хотели отрезать, а императорский велел золу и лопух. Через месяц бегал.

— Зола, говоришь, — Сигрун кивнула. — Мы золой тоже присыпаем. А лопух не кладём.

— Клади. Проверено.

Сигрун помолчала. Потом встала, подошла к своему сундуку, достала бересту — старую, промасленную, в тёмных пятнах от пальцев. Развернула, положила на стол.

— У нас тоже есть рецепт. Северный. Его в южных землях не знают. Бабка моя передала, а ей — её бабка.

Я закрыла книгу. Подвинулась ближе.

— От родильной горячки, — сказала Сигрун. — Бабы мрут как мухи, а с этим — выживают. Берёшь кору красной ивы, корень кровохлёбки и три капли берёзового сока. Только сок не весенний, а осенний, когда дерево спит. Всё это запекаешь в ржаном тесте на углях, пока тесто не почернеет. Потом вынимаешь, растираешь в пыль, даёшь роженице с тёплым молоком.

— Запиши, — сказала я. — Я запомню, но лучше на бересте.

— Я не умею писать.

— Ты продиктуешь. Я запишу.

Сигрун продиктовала. Я записала — разборчиво, крупно, чтобы старость не помешала прочитать. Потом протянула бересту ей.

— Держи.

Сигрун взяла бересту, повертела в руках. Провела пальцем по строкам — не читая, просто чувствуя бумагу под пальцами.

— Это наш рецепт, — сказала она. — Теперь он и твой.

— Я сохраняю, — сказала я. — В императорской библиотеке. С твоего разрешения.

— С моего, — сказала Сигрун и спрятала бересту за пазуху.

Мы сидели у печи. Она — старая, костлявая, с руками, которые вытащили из того света не одного человека. Я — молодая, чужая, с книгой из золотого дворца. Между нами лежали рецепты. Её и мои. Равные.

— Завтра ещё почитаю, — сказала я. — Про кости и про суставы.

— Приходи, — сказала Сигрун. — Я тоже расскажу. Про козье молоко с мёдом от простуды. И про то, как парнишке, который с печи упал, спину поставить.

— Договорились.

Печь догорала. За окном падал снег. Где-то там, за лесом, Эрхард скакал к крепости с моим письмом. Через несколько дней Дамиан его прочитает. Если ещё жив. Пришлёт муку. Или не пришлёт. Но я сделала, что могла.

— Заходи, — сказала Сигрун. — Холодно.

— Я уже зашла.

Она не ответила. Но я видела — уголки её рта дрогнули.

Это была почти улыбка.

Глава 19. Крепость на костях

На восьмой день после того, как Эрхард усакал с письмом, в деревню пришёл Ворон.

Я чистила картошку на кухне у Сигрун — пальцы замёрзли, нож скользил по мокрой кожуре, вода в миске стала мутной от крахмала, и я смотрела на эту воду и не видела её, потому что всё, что я видела последние восемь дней, — это дорога, по которой усакал Эрхард, и лицо Дамиана, которое мне снилось каждую ночь. За окном смеркалось, снег валил крупными хлопьями, и когда дверь открылась, впуская холодный воздух и человека в чёрном плаще, я сразу поняла: время пришло.

Ворон стоял на пороге, стряхивая с плеч налипшее. Молчал. Только смотрел на меня, и в этом взгляде было всё — и усталость, и решимость, и что-то похожее на прощание.

— Пора, — сказал он наконец.

Я подняла голову.

— Куда?

— В Тихие земли. Дариан ждёт. Император уже там. Портал откроют сегодня ночью.

Я смотрела на него. На его лицо — изрезанное морщинами, обветренное, с глазами, которые видели слишком много смертей, чтобы бояться ещё одной. Потом перевела взгляд на свои руки — мокрые, в крахмале, пальцы покраснели от студёной воды, и я вдруг подумала, что, может быть, вижу их в последний раз.

— Сегодня? — переспросила я.

— Сегодня, — подтвердил Ворон. — К ночи. Лилиана выйдет из подземелья. Астор не может держать её дольше — магия камней слабеет, она прорывается наружу. Но он придумал, как заманить её в круг.

— Что он обещал ей?

— Себя, — сказал Ворон. — Астор сказал, что отдаст ей свою силу. Что устал держать её взаперти. Что согласен на сделку. Она поверила.

Я смотрела на него и чувствовала, как холод поднимается по спине. Астор жертвовал собой. Он знал, что Лилиана придёт за ним, потому что она всегда хотела его силу, его знание, его кровь. Она не могла устоять.

Я вытерла руки о передник. Встала. Ноги затекли от долгого сидения, и я постояла мгновение, привыкая к тому, что снова стою на ногах, что снова иду, что снова оставляю этот дом, который стал почти родным.

— Я готова.

— Иди переоденься, — сказал Ворон. — Императорская одежда здесь не пригодится. То платье, в котором ты пришла, — в самый раз. В нём ты — служанка. В нём тебя не узнают. В нём ты сможешь подойти ближе.

— К Лилиане, — сказала я.

— К Лилиане, — кивнул он.

Ворон вышел на крыльцо — ждать, закуривая трубку и глядя в снежную мглу, в которой уже ничего нельзя было разглядеть. Я сняла передник, повесила на гвоздь. Сигрун сидела у печи, молчала — я знала, что она хочет что-то сказать, но молчит, потому что северяне не говорят лишнего перед уходом, потому что слова перед дорогой — плохая примета. Я переоделась в платье лисы — старое, тёплое, с чужого плеча, в котором я была никем, в котором я могла пройти незамеченной, раствориться в толпе, стать тенью среди теней.

В кузнице у Эрхарда горел горн. Капитан уже надел доспехи — старые, потёртые, с боевыми царапинами на груди, с выщербинами, которые он не зачищал, потому что каждая из них была памятью. Увидел меня, встал.

— Я иду с тобой, — сказал он.

— Я сказал, что в лесу видели тварей. Лилианиных. Они ждут у границы. Если твари войдут в Яргу — детей не спасти.

— А Элли?

— Элли пойдёт со мной и с Дарианом. Твоя задача — защищать деревню.

Эрхард перевёл взгляд на меня. В его глазах была тоска — такая же, как у человека, который знает, что провожает на войну и может не дожидаться, такая же, как у меня, когда я смотрела на него и понимала, что мы прощаемся.

— Ваше величество, — сказал он. — Прикажите.

Я подошла к нему. Взяла за руку — тяжёлую, мозолистую, с обожжённой ладонью, ту самую, которая держала меч, когда он защищал меня.

— Оставайся, — сказала я. — Ты здесь нужнее.

— Но...

— Это приказ, Грегор. Единственный, который я тебе отдам.

Он молчал долго. Горн гудел, раздувая угли, и в этом гуле было что-то живое, что-то, что останется здесь, когда мы уйдём. Потом он кивнул.

— Береги себя, — сказал он.

— Береги, — ответила я. — И детей береги.

Я вышла из кузницы, и снег ударил в лицо — крупный, медленный, холодный, он таял на коже, смешиваясь с тем, что я не хотела называть слезами. Гуннар стоял у конюшни, опираясь на клюку — за неделю он постарел на десять лет, шрамы на лице затянулись грубой коркой, но глаза остались прежними, теми самыми, которые видели меня в первый день, когда я пришла в эту деревню.

— Вернёшься? — спросил он.

— Не знаю, — ответила я честно.

— Я припрятал тонну золота, — сказал он. — Не трагил. Если вернёшься — отдам.

Я посмотрела на него. На его лицо, изрезанное морщинами, на его руки, сжимающие клюку, на его глаза, в которых я видела не золото, а заботу, которую он не умел называть иначе.

— Оставь себе, Гуннар, — сказала я.

— Но...

— Если я вернусь, — перебила я, — я дам тебе столько же. За твою заботу. За твою доброту. За то, что ты принял меня, когда я была никем.

Гуннар смотрел на меня. Молчал. Потом отвернулся, и я заметила, как дрогнула его рука.

— Иди уже, — сказал он хрипло. — А то я расплачусь, как баба.

Я улыбнулась.

— Спасибо, Гуннар.

— Не за что, — ответил он и махнул рукой. — Иди.

Я пошла за Вороном. Снег скрипел под сапогами, и этот звук был единственным, что нарушало тишину — лес встретил нас тишиной такой плотной, что слышно было, как падают снежинки, как дышит земля, как где-то далеко ухает сова. Ворон шёл быстро, не оглядываясь, и я едва поспевала за ним, чувствуя, как снег набивается в дырявые сапоги, как холод поднимается выше, к коленям, к сердцу.

— Долго идти? — спросила я.

— До вечера, — ответил он. — Если не сбавим шаг.

Шли молча. Лес менялся — берёзы сменялись елями, ели — голыми скалами, тропа становилась уже, снег — глубже, и я чувствовала, как мы уходим всё дальше от того, что стало домом, в то, что могло стать могилой. Ворон иногда останавливался, прислушивался, шурился в темноту.

— Ворон, — позвала я.

— Мм?

— Ты боишься?

Он помолчал. Зашагал дальше.

— Я видел её тридцать лет назад, — сказал он наконец. — Когда она сожгла мой дом. Я видел, как горят люди. Видел, как её твари рвут детей. — Он сплюнул в снег. — Нет, Элли. Я не боюсь. Я ненавижу. Это сильнее страха.

Я не нашла, что ответить. Я шла за ним, смотрела на его спину — широкую, сторбленную, и знала: такие слова не утешают.

Лес расступился к вечеру. Впереди, на голом холме, чернела крепость — старая, полуразрушенная, с зубчатыми стенами и выбитыми воротами, с башен, с которых свисали сосульки, похожие на рёбра гигантского зверя. Над стенами кружили вороны — чёрные точки в сером небе, и я смотрела на них и думала: они знают, что здесь будет смерть. Они всегда знают.

— Крепость на костях, — сказал Ворон. — Здесь.

— А Дамиан?

— Внутри. Ждёт.

Мы подошли к воротам. Ворон постучал — три коротких, два долгих, три коротких — и калитка открылась бесшумно, будто нас ждали, будто знали, что мы придём именно в этот час.

Внутренний двор горел кострами. Солдаты — сотни, тысячи — сидели у огня, чистили оружие, ели, спали, и когда они увидели меня, замолкали — голоса стихали, как ветер, и в этой тишине я слышала только треск огня и своё дыхание.

— Императрица, — прошептал кто-то.

— Жива, — сказал другой.

Я шла через двор, чувствуя на себе взгляды — в платье лисы, с грязными руками и дырявыми сапогами, чужая среди своих. Но я подняла голову — императрицы не опускают голову даже перед смертью, императрицы смотрят в глаза тем, кто их судит, и не отводят взгляда.

Дамиан ждал у главных ворот. Стоял, опираясь на меч, и когда он увидел меня — шагнул вперёд, и в этом шаге было всё, что он не мог сказать словами.

— Ты пришла, — сказал он.

— Я пришла.

— Долго вы.

— Я чистила картошку.

Он усмехнулся — той усмешкой, которую я знала, которую я любила, которую я боялась никогда больше не увидеть. Шагнул ко мне, взял за руку — пальцы его были холодными, но рука — твёрдой, надёжной, той, за которую я держалась, когда мир рушился.

— Идём. Дариан уже там.

Мы пошли. Подземелье оказалось сырым, тёмным, с низким потолком — стены из чёрного камня, блестящего от влаги, пол из плит, проваливающихся под ногами, и воздух пах землёй, плесенью и чем-то металлическим — старым, забытым, тем, что лежало здесь веками и ждало своего часа.

В центре зала горели свечи. Их было много — сотни, выложенные в огромный круг, белые камни, ровно уложенные по окружности, и внутри круга — пустота, напряжённая тишина, которая давила на уши, на грудь, на сердце.

Дариан стоял у края круга, бледный, с серым лицом и впалыми глазами — он держался прямо, но я видела: он едва стоит на ногах, он держится на одной только воле, на той самой, которая вела его все эти годы. За его спиной, у каменного стола, стоял Астор. Старый маг в чёрном плаще, с седой бородой и глазами, которые смотрели сквозь время.

— Она придёт, — сказал Астор. — Я отправил ей весть. Сказал, что устал держать её взаперти. Что согласен отдать ей свою силу. Что она сможет выйти через меня.

— Она поверит? — спросил Дариан.

— Она уже идёт, — ответил Астор. — Я чувствую её.

На каменном столе лежали три камня. Тёмно-синие, с зеленоватым отливом, живыми, пульсирующими прожилками, которые дышали, как живые существа.

— Камни, — сказала я.

— Три, — подтвердил Дариан. — Все, что нужны для портала.

— Когда начнём?

— Как только Лилиана войдёт в круг, — ответил Дамиан.

— А если она не войдёт?

— Войдёт, — сказал Астор. — Она не устоит перед моей силой. Она всегда хотела её. А теперь я сам позвал её. Она не поверит, что я могу отказаться.

Я перевела взгляд на круг. Белые камни, ровное пламя свечей, тишина, которая давила на уши. Я стояла на пороге, и внутри меня было пусто — не страх, не отвага, только тишина, похожая на ту, что была в круге.

— Я готова, — сказала я.

— Я знаю, — ответил Дамиан. — Поэтому я и люблю тебя.

Он поцеловал меня. Долго. Крепко. При всех — солдаты отвернулись, Дариан прикрыл глаза, и я чувствовала его руки на своей спине, его дыхание, его страх — который он прятал за твёрдостью, за тем, что он должен быть сильным, потому что иначе я испугаюсь.

Потом я спряталась за колонну.

Астор шагнул к краю круга. Он стоял так, чтобы Лилиана видела его, когда войдёт. Он улыбался той улыбкой, которую я никогда не видела на его лице — спокойной, почти счастливой.

— Жди, — сказал он.

— Я жду, — ответила я.

Тишина. Слышно было, как дышат солдаты, как капает вода — кап, кап, кап — где-то в глубине подземелья, как потрескивают свечи, ровно, спокойно, будто ничего не происходит.

Дариан замер. Поднял руку.

— Она идёт.

Я почувствовала это раньше, чем он договорил. Воздух сгустился, стал тяжелее, будто кто-то нажал на лёгкие — свечи заколебались, тени заматались по стенам, и в проходе показалась тень.

Тонкая. Высокая. В белом платье, которое струилось, как вода, как дым, как что-то, что не было живым.

Лилиана.

Она вошла в зал — тихо, бесшумно, её ноги не касались пола, или мне так казалось. Лицо — бледное, без единой кровинки, глаза — чёрные, как два колодца, бездонные, пустые, те, в которых я видела свою смерть. Она улыбнулась, когда увиде

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.